

*160-летию со дня рождения
П. А. Столыпина
(1862—1911)
посвящается*

Петр Аркадьевич СТОЛЫПИН

1862—1911

«Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь.

Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций.

Им нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия!»

*Из «Речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности»
в Государственной думе. 10 мая 1907 г.*

П. А. Столыпин

Я ВЕРЮ В РОССИЮ!

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Москва
2021

УДК 929(47)"1862/1911"
ББК 63.3(2)5-8
С81

Оформление обложки и дизайн серии *И. Осипова*

Составление, подготовка текста, биографические статьи, примечания и комментарии *В. Яськова*

С81 Столыпин, Петр Аркадьевич.
Я верю в Россию / П. А. Столыпин. — Иллюстрированное издание. — Москва : Эксмо, 2021. — 576 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-157391-1

Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) — последний великий реформатор императорской России. Благодаря его неустанным трудам, твердости и неподкупности к 1913 году наша страна вошла в тройку ведущих промышленных держав мира. Столыпин явил собой в высшей степени достойный пример служения Отечеству и людям. Он вынужден был заниматься всем: проводить грандиозные реформы по модернизации экономики огромной империи и одновременно бороться с разного рода экстремистами, террористами и революционерами.

Это юбилейное подарочное издание приурочено к 160-летию этого великого человека. Книга представляет весь спектр документальных материалов о жизни и деятельности Столыпина: его речи, статьи, выступления, законопроекты, а также его переписку с известными государственными деятелями и их воспоминания. Издание богато иллюстрировано, сопровождается биографическими очерками и комментариями.

УДК 929(47)"1862/1911"
ББК 63.3(2)5-8

ISBN 978-5-04-157391-1

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021
© Современная версия, примечания, комментарии,
биографические статьи, макет, иллюстрации. Издательство «Око», 2021

А. Изгоев

П. А. СТОЛЫПИН. ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящий очерк был начат в июле 1911 года, как попытка подведения некоторых итогов пятилетней деятельности П. А. Столыпина на посту председателя Совета министров. В сентябре работу пришлось приостановить и подвергнуть значительной переделке. Пятилетние итоги превращались уже в итоги всей жизни.

Предательская пуля террориста из охранного отделения прекратила эту кипучую жизнь, разбила горячее сердце человека, во многом виновного, во многом ошибавшегося, но горячо любившего родную землю и отдавшего ей все свои силы. Погиб политический деятель, смелый человек, навеки связавший свое имя с пятью годами жизни «обновленной России»...

Трагическая кончина на посту явилась как бы апофеозом всей деятельности П. А. Столыпина. Но прервала ли она ее на полдороге? Оставались ли в политике П. А. Столыпина еще новые, неизведанные возможности, скрывались ли для судеб России какие-либо новые надежды? На этот счет взгляды расходятся. Я думаю, что П. А. Столыпин вполне исчерпал себя, что он давно дал уже все, что мог. Удар убийцы настиг П. А. Столыпина в то время, когда его политическая карьера уже заканчивалась.

Еще в декабре 1907 г. в журнале «Русская мысль» пишущий эти строки поместил характеристику П. А. Столыпина, от основных линий которой не приходится отказываться и теперь. То, что я говорил о П. А. Столыпине три с половиной года тому назад при его жизни, я могу, с дополнениями и новыми выяснившимися подробностями, повторить и теперь, когда он умер.

Это обстоятельство дает мне возможность не бояться ни воздаяния П. А. Столыпину должного за то, что было в нем хорошего, ни резкого осуждения его политических ошибок. Эта книга равно свободна и от лести, и от надругательства над мертвым и теперь уже бессильным.

Конечно, для беспристрастной истории время еще не наступило. Обнародованные факты очень скудны. Еще свежи воспоминания о недавних битвах, и трудно отрешиться от чувств, вызывавшихся той или иной мерой, в свое время причинявшей так много горя. На бесстрашие историка автор этой книги не может, конечно, претендовать, но он искренно желал соблюсти правдивость в изложении фактов и возможное для современника беспристрастие в оценках. Ошибки возможны, но могу с чистой совестью сказать, что это — ошибки неполного видения, но не умысла.

Глава I

Происхождение и первые шаги
П. А. Столыпина

Столыпины — древний дворянский род, ныне занесенный в родовые дворянские книги по Пензенской и Саратовской губерниям. Впервые эта фамилия упоминается в летописях русской истории в XVI веке. Из родословного списка можно составить наглядное представление о роде, из которого вышел Петр Аркадьевич Столыпин.

Большое потомство товарища пензенского воеводы Емельяна Столыпина вошло в ряды высшего русского дворянства и в XVIII веке давало не только представителей гражданской и военной бюрократии, но и образованных людей, причастных к литературе. Так, уже в 1801 г. в «Иппокрене» были напечатаны стихотворения Дмитрия Столыпина, вероятно секунд-майора, брата прадеда Петра Аркадьевича, а не его деда Дмитрия, впоследствии генерал-майора.

Неизвестный художник. Портрет полковника гвардейской артиллерии Дмитрия Алексеевича Столыпина.

После 1814 г.

Д. А. Столыпин (1785—1826) — герой Отечественной войны 1812 г., брат бабушки Михаила Юрьевича Лермонтова, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, и дед Петра Аркадьевича Столыпина.

У Алексея Столыпина было многочисленное потомство, давшее три главные линии: 1) одну, приведшую к генералу Димитрию Аркадьевичу, писателю, одному из немногих русских чистых последователей Огюста Конта, ярому врагу русской общины; 2) другую — к ныне погибшему Петру Аркадьевичу и 3) третью, по женской линии, давшую знаменитого нашего поэта Лермонтова.

Аркадий Алексеевич Столыпин, сенатор, друг Сперанского, в свое время считался человеком прогрессивного образа мыслей. Его брат Димитрий, дед покойного председателя Совета министров, избрал военную карьеру, дослужился до чина генерал-адъютанта, принимал участие в Венгерской, Крымской и Русско-турецкой кампаниях. Но военная служба, видимо, не поглощала его всецело: он тоже был писателем, составлял популярные исторические книжки для народа. Кроме того, он занимался и скульптурой и на одной из выставок 1860-х годов выставил два своих произведения. Судя по содержанию скульптур (голова Спасителя по изображению Иосифа Флавия), его интересовали религиозные вопросы.

Ясно, что семья Столыпиных не была дюжинной дворянской семьей того времени, грубой, невежественной, с кулаческими привычками. Уже с XVIII века она насыщена была модным тогда «французским просвещением» с его поверхностно цивилизующим лаком, с сентиментальным лицемерием и подлинными умственными и культурными интересами. Этот цивилизованный налет нашел подходящую почву и дал плод в виде несомненной литературной талантливости целого ряда представителей столыпинской семьи вплоть до ныне живущего литератора Александра и покойного премьера, обладавшего несомненным ораторским дарованием.

Посмотрим теперь, что могла дать П. А. Столыпину его личная служебная карьера. Понятно, что мы можем исходить только из данных, уже опубликованных и, естественно, весьма скудных.

Петр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 г., образование получил на естественном факультете Санкт-Петербургского университета, где и окончил курс в 1884 г. Свою службу он начал

Аркадий Дмитриевич Столыпин
(1822—1899)

Ученик Виленской гимназии
Петр Столыпин.
1876 г.

в Министерстве внутренних дел, но через два года перешел в ведомство земледелия и государственных имуществ. Затем он снова поступил в Министерство внутренних дел и занял должность предводителя дворянства в Ковенском уезде (в Западном крае, как известно, предводители дворянства служат по назначению). Из газетных сообщений известно, что в Ковенской губернии у П. А. Столыпина есть имение. В 1899 г. П. А. Столыпин был назначен ковенским губернским предводителем дворянства, а в 1902 г., при В. К. Плеве*, он был определен исправляющим должность гродненского губернатора. При Плеве же П. А. Столыпин в 1903 г. получил назначение на пост саратовского губернатора, в то время считавшийся очень ответственным и трудным, так как губерния слыла «красной». 26 апреля 1906 г., в день падения первого русского «объединенного кабинета» графа Витте, П. А. Столыпин, еще молодой сравнительно человек, 44 лет, был назначен министром внутренних дел в кабинете

* Вячеслав Константинович фон Плеве (1846—1904) — российский государственный деятель, в 1902 г. сменивший на посту министра внутренних дел Д. С. Сипягина, погибшего в результате террористического акта. Через 2 года Плеве тоже был убит студентом-эсером Е. Созоновым (операцией руководил Е. Азеф). Преемником Плеве стал П. Д. Святополк-Мирский. (Здесь и далее примечания редактора.)

Горемыкина. Горемыкинский кабинет оказался не долговечнее Первой думы и был сменен кабинетом П. А. Столыпина, который, видоизменяясь и обновляясь, просуществовал более пяти лет.

Таковы внешние черты служебной карьеры П. А. Столыпина. Попытаемся вскрыть ее содержание.

П. А. Столыпин — «восьмидесятник». В университет он поступил если не в самом 1881 году, то, во всяком случае, около этого времени. Его молодые, самые важные годы учения прошли под непосредственным впечатлением катастрофы

*«Родина требует себе
служения настолько
жертвенно чистого,
что малейшая мысль
о личной выгоде
омрачает душу
и парализует работу».*

П. А. Столыпин

Император Александр II
(1818—1881)

Реформы, произведенные в правление Александра II, вызвали значительный рост общественного недовольства. Появились первые революционеры-террористы. Первая попытка убийства царя была предпринята в 1866 г., а с 1880-х гг. терроризм становится в России массовым явлением.

1 марта и последовавшей за ней тяжелой общественной реакции. Наступившая затем полоса была окрашена в якобы славянофильский цвет. Звали «назад», «домой», будто бы к преданиям московских царей, ко времени мнимого единения царя с народом. На самом же деле власть была взята в руки бюрократией немецко-русского состава, укрепившей свое положение рядом льгот, которые были оказаны дворянству, сильно пострадавшему экономически от освобождения крестьян. «Национальный курс» политики императора Александра III оказался очень благоприятным для развития в России грюндерства и «международного» капитализма. С той поры в сознании правящих классов прочно утвердилось убеждение, что под славянофильскими и националистическими флагами нетрудно провозить самую обычную буржуазную «интернациональную» контрабанду. Сам С. Ю. Витте, один из виртуозов такого национал-буржуазного лицемерия, всеми мерами содействуя привлечению в Россию иностранных капиталов и образованию гигантских капиталистических предприятий, чуть ли не до самого 1905 года продолжал утверждать, что у нас, в отличие от Западной Европы, отношения между рабочими и хозяевами складываются совсем по иному, патриархальному началу, ничего общего не имеющему с европейской классовой борьбой...

Неизвестный художник. Убийство Александра II 1 (13) марта 1881 года

И. Н. Крамской. Император Александр III.

1886 г.

Несмотря на то что Александр III (Миротворец) (1845—1894) отказался от либерального курса, принятого его отцом, правление его оказалось достаточно успешным и мирным. Терроризм практически сошел на нет, положение беднейших слоев населения несколько улучшилось. Удалось достигнуть значительного промышленного роста и финансовой стабилизации, а также поднять международный престиж России.

Реформы Александра II решительно поставили Россию на обычный европейский путь культурного развития, превращения в буржуазное правовое государство. Царствование Александра III в самом существенном не свело, да и не могло свести, страны с этого пути. Но, продолжая строить железные дороги, развивать промышленность, перестраивать и натуральное

народное хозяйство на меновое, правящие слои этого царствования все свои интеллектуальные силы отдали на создание фикции, будто на самом деле Россия продолжает оставаться старинной национальной монархией чуть ли не допетровского времени. Уже буржуазное по существу государство хотело казаться славянофильским по форме. Это лицемерие сделалось основным тоном той

Факсимиле съ протокола постановлений II съезда земских деятелей
6—9 ноября 1904 г.

*Частное совещание земских деятелей. В за-
седаниях, происходивших 6го, 7го и 8го ноября 1904
г. в Петербурге, обсудив вопросы об общих
условиях, необходимых для правильного ве-
дения и развития нашей общественной и го-
сударственной жизни, пришли к следующим
заключениям.*

1. *Канониальность существующего в нашей жизни
порядка государственного управления, с особой силой
проявившаяся с начала восьмидесятих годов,
заканчивается в полной разобщенности прав-
ительства с обществом, и в отсутствие не-
обходимо в государственной жизни взаим-
ного между ними доверия.*
2. *Отделение правительства от общества иными
в своих основах опаснее развития обще-
ственной самостоятельности и постоянное
стремление к устранению общества от уча-
стия во внутреннем государственном управ-
лении. Между тем эти же основы прав-
ительства стремятся к проведению админи-
стративной централизации во всех отраслях
интенсивного управления и к отходу на все
ли стороны общественной жизни. Взаимо-
действие с обществом признается прав-
ительством исключительно в смысле прива-
тизации деятельности общественных учре-
ждений в соответствии с видами правительства.*
3. *Бюрократический строй, работая вразбуж-
енность с населением, создает почву для
широкого проявления административного произвола
и многоуклонения. Такой порядок жизни
от общества необходим всегда, уверенность
в охране законных прав всех и каждого
и подрывает доверие его к правительству.*

Постановление Земского съезда

«Частное совещание земских
деятелей», известное в истории как
первый легальный Земский съезд,
собрало в Петербурге в начале ноября
1904 г. представителей всех сословий
России и выработало и утвердило
большинством голосов резолюции,
требовавшие от царя конституции,
свобод и парламента. По окончании
съезда началась так называемая
банкетная кампания, целью которой
было распространение решений
Земского съезда и публикация его
резолюций в виде петиций в печати.

эпохи, и, конечно, видный представитель поме-
щичьей среды, избравший административную
карьеру, не мог не проникнуться этим господ-
ствующим в его среде настроением.

Весьма вероятно, что в кровавой драме 1 мар-
та надо искать корень и одной основной черты
политического мирозерцания П. А. Столыпина

на — его глубокого, инстинктивного недоверия
к русской интеллигенции. Не пережив, видимо,
свойственной молодежи 1870-х годов, чуть ли
не поголовно, горячки социалистических увле-
чений, П. А. Столыпин, под непосредственным
впечатлением царубийства, не имея возможно-
сти глубже вдуматься в корни русской трагедии,
пришел к убеждению, что интеллигенция непри-
миримо враждебна монархии и что все ее идеи,
прямо или косвенно, ведут к низвержению этой
формы правления, вне которой он не мыслит су-
ществования России.

Служба в Министерстве земледелия поставила
П. А. Столыпина близко к вопросам крестьян-
ского землеустройства, с которыми ему и рань-
ше приходилось сталкиваться в роли помещика.
Впоследствии, защищая в Государственной думе
правительственную земельную программу, П. А.
говорил: «Пробыв около десяти лет у дела земель-
ного устройства, я пришел к глубокому убежде-
нию, что в деле этом нужна продолжительная
черная работа... разрешить этого вопроса нель-
зя, его надо разрешать». Своим личным опытом
в земельном деле П. А. Столыпин очень дорожил
и, видимо, им гордился.

Из Министерства земледелия он перешел
в Министерство внутренних дел и начал службу
в Ковенской, а затем в Гродненской губерниях.
В обеих этих губерниях, как известно, господ-
ствующим элементом являются польские по-
мещики-дворяне, находящиеся в очень свое-
образных отношениях к представителям русской
власти. Внешний тон этих отношений (конечно,
на верхах) чрезвычайно корректный, вежливый,
но холодный, замкнутый, с большой примесью
хитрости и лукавства. Произнося дружелюбные
слова, держат сзади наготове камень. Вежливое
недоверие проникает весь строй этих отноше-
ний. Не подлежит сомнению, что своеобразный
тон отношений русской высшей администрации
к польской шляхте чрезвычайно резко сказался
в характере покойного председателя Совета ми-
нистров и был им перенесен и в другие сферы об-
щественно-политической жизни. Сам П. А. Сто-
лыпин говорил П. Б. Струве*, что он хорошо

* *Петр Бернгардович Струве* (1870—1944) — русский обще-
ственный и политический деятель, экономист, публицист,
историк, философ. По политическим взглядам из социал-
демократа и марксиста (1890-е гг.) постепенно эволюциони-
ровал в либерала, позднее примкнул к кадетам. В 1907 г. стал
депутатом II Государственной думы.

Голодный год. Нижегородские крестьяне у земского начальника в городе Княгинино.

Фотография М. Дмитриева. 1891—1892 гг.

знает поляков, многому у них научился и многим им обязан. Временами это чувствовали даже «союзники», попрекавшие первого министра «польскими шляхетскими приемами» и по своей привычке стремившиеся открыть поляков и полек даже в его родословной. Служба в Западном крае близко ознакомила П. А. Столыпина и с одним из самых острых национальных русских вопросов — еврейским. Особенность русской администрации в Западном крае составляет и некоторый ее демократизм, в значительной степени мнимый и сбивающийся на демагогию, но все-таки резко отличающий ее в сравнении с администрацией внутренних губерний, где чиновник, серьезно или напоказ выдвигающий на первый план интересы крестьян, не может быть терпим на службе. В западных же губерниях помещико-дворянский элемент представлен главным образом поляками. Крестьяне же там в огромном большинстве православные, по национальности — не поляки и, благодаря своему антагонизму с помещиками, являются самой сильной опорой русского правительства. Поддержка крестьян и закрепление

их недоверия к помещикам-полякам — один из догматов управления Западным краем.

На губернаторскую должность, сначала в том же Западном крае, П. А. Столыпин был призван при Плеве. Он был одним из так называемых плевенских губернаторов из предводителей дворянства, на которых Плеве думал возложить весьма важную политическую миссию. Основной мыслью Плеве было «овладеть движением», начинавшимся тогда в России. С революционно-социалистическим движением интеллигенции он рассчитывал справиться при помощи полицейской силы и провокации, в рядах которой уже тогда были Азеф и сотни, если не тысячи, других. Рабочим движением предполагалось овладеть при содействии Зубатова и Гапона. Но, как практического политика, более всего беспокоило Плеве растущее земское конституционное движение. Он считал его очень опасным, так как оно вербовало своих приверженцев в рядах дворянства, в руки которого отдано было земство. Были налицо и признаки, что движение переходит и на дворянство, как сословие. Близость дворянства к пре-

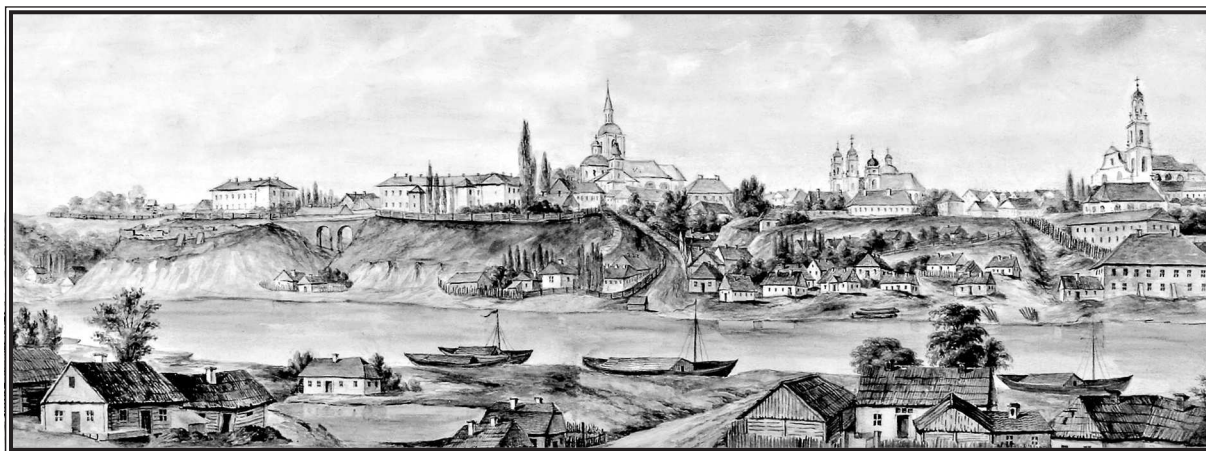
столу делала конституционное движение очень опасным для бюрократии. Необходимо было бороться с ним. Для этой борьбы и выдвигались новые губернаторы из предводителей, культурные, образованные, даже либеральные люди, имеющие связи с местным обществом, главным образом, конечно, с дворянством. Они должны были «овладеть» местным обществом и, где надо лаской, где угрозой, внести разложение в ряды формирующейся оппозиции. Плеве очень не любил независимых земских деятелей, не только таких, как Петр Дмитриевич Долгоруков, не скрывавший своих конституционных взглядов, но даже столь умеренных, как Д. Н. Шипов, в то время бывший сторонником славянофильского совещательного собора. Но всем этим земцам, и особенно настойчиво кн. Долгорукову, Плеве неоднократно предлагал губернаторские места.

По внешним своим данным П. А. Столыпин вполне подходил к роли «плевенского губернатора». Культурный, образованный человек, владеющий прекрасно тремя языками, помещик, дворянин и хозяин. Утверждали, правда, что Плеве ставил в вину П. А. Столыпину чрезмерную склонность «к фразе и позе», но в общем, несомненно, он ценил своего гродненского губернатора высоко, ибо иначе он не перевел бы его так быстро в столь опасную губернию, как Саратовская, где сильное земско-дворянское движение еще сильнее взвинчивалось революционно настроенным третьим элементом и широко разраставшимся крестьянским аграрным волнением.

По должности гродненского губернатора П. А. Столыпину пришлось председательствовать в губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности как раз в то время, когда Плеве ликвидировал «опасную затею» Витте. Официальные документы («Труды местных комитетов», вып. XI, Гродненская губерния. СПб., 1903 г.) дают нам возможность установить, каких взглядов держался тогда будущий премьер, по крайней мере на некоторые вопросы.

Уже в первом заседании губернского комитета июля 1902 г. в своей вступительной речи П. А. Столыпин указал как на «главнейшие факторы улучшения сельскохозяйственной промышленности губернии» на 1) расселение крестьян на хутора; 2) переход от шнурового пользования надельными землями к хуторскому хозяйству; 3) устранение чересполосности земель; 4) мелиоративный кредит. В ноябрьских совещаниях он подробнее развил свою аграрную программу. «Сохранить установившиеся, веками освященные способы правопользования землей,— говорил в конце 1902 г. покойный председатель Совета министров,— нельзя, так как они выразятся в конце концов экономическим крахом и полным разорением страны».

В частности, для Гродненской губернии он выдвигал на первую очередь уничтожение сервитутов и разверстание чересполосных земель, «без чего никакое серьезное улучшение сельского хозяйства вообще произойти не может». В деле уничтожения вредных способов «правопользования землей» П. А. Столыпин стоял за радикаль-

Н. Орда. Панорама Гродно.
Середина XIX в.

Казачи на Дворцовой площади разгоняют демонстрантов.

Иллюстрация из британского периодического издания. 1905 г.

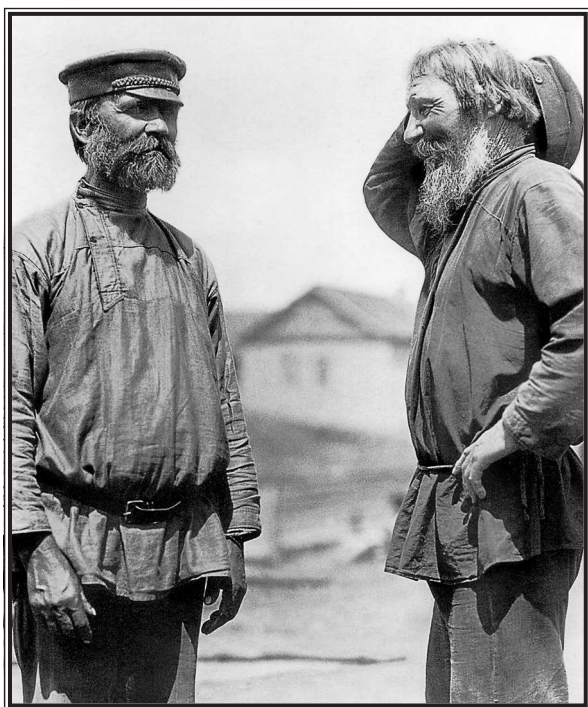
9 января 1905 г. правительственные войска открыли огонь по нескольким многолюдным колоннам мирного шествия рабочих, направлявшихся к царю с петицией. В результате было ранено около 300 и убито 130 человек. Эти события, получившие название «Кровавое воскресенье», стали началом массового революционного движения в России.

ные меры: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Руководивший в то время нашей земельной политикой г-н Стишинский держался несколько иных взглядов и в сохранении общины видел одно из условий сохранения самодержавия. Общим для Столыпина и тех деятелей, аграрные идеи которых воспринял Плеве, были

лишь безграничная вера во всемогущество административных мер и худо скрытое недоверие к «подъему умственного развития народонаселения, которое настанет неизвестно когда».

Само собою разумеется, что в 1902 г. П. А. Столыпин был абсолютистом, хотя и с оттенком «просвещенного абсолютизма». В его речах проскальзывают и какие-то слабые, бледные намеки на необходимость общественной самостоятельности. Откровенные крепостники во всяком случае не вызывали его сочувствия. На одном из заседаний комитета князь Святополк-Четвертинский развил обычную крепостническую теорию: «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд, а не образование. Образование должно быть

Крестьяне.

Фотография. 1890—1900-е гг.

доступно обеспеченным классам, а не массе, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что, с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы, она, несомненно, будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии».

На эту речь гродненского зубра* П. А. Столыпин ответил резкой отповедью: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии. Сравните Германию и Италию: главный контингент анархистов дает последняя страна, а народное образование в ней очень слабо. Общее образование в Германии должно служить идеалом для многих культурных стран... Социализм в Германии — скорее академический вопрос, и предохранительный клапан распространения социализма и социалистических идей — страхование рабочих...»

Для всей страны нашей необходимо общее женское образование. Распространение сельскохозяйственных знаний, без которых зем-

ледельческая страна существовать не может и мало-помалу приходит к разорению, зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе, в связи с преподаванием сельскохозяйственных знаний, и вы дадите большую обеспеченность земледельческому классу, самому консервативному в каждой стране» и т. д. и т. д.

На всех этих взглядах гродненского губернатора лежит, впрочем, печать того националистического демократизма, который, как мы уже говорили раньше, является обязательным для каждого представителя русской власти в западных губерниях и который быстро исчезает, когда тот же администратор попадает в центральные губернии, где поместный класс представлен русским дворянством. Так, по поводу обязательного обучения гродненский губернатор говорил: «Со временем обязательное обучение будет понятно, так как единственная цель и главная задача школ — обучение знанию государственного языка и воспитание русских граждан». Считать «единственной» задачей школ русификацию можно, конечно, только в чаду борьбы с полонизмом, представляемым в Гродненской губернии главным образом помещиками.

Как председатель губернского комитета, П. А. Столыпин, твердо соблюдая инструкции Плеве, не допускал никаких «общих вопросов», в той или иной мере касающихся государственного строя. Он, правда, признал, что, «быть может, всякое политическое ограничение и вносит в иных случаях экономическое стеснение», но в другой раз, например, решительно заявил, что вопрос о нуждах сельскохозяйственной промышленности с вопросом о введении земской реформы «не имеет тесной, непосредственной и, так сказать, органической связи»...

Из Гродненской губернии П. А. Столыпин был переведен в Саратовскую, где уже слышались раскаты приближающейся бури, где крестьянство глухо волновалось. Впоследствии, при назначении Столыпина министром внутренних дел в кабинете Горемыкина, П. Н. Милюков в «Речи» (1906 г., № 53) писал: «П. Столыпин — не самый дурной из губернаторов, но и в его прошлом есть знаменитая балашовская история, а крестьянские экзекуции нашли в г-не Столыпине особенно усердного адепта. Есть, впрочем, люди, которые думают, что такие вещи можно делать корректно». В свою очередь, крайние правые, когда разочаровались в Столыпине и объявили ему вой-

* «Зубрами» в те времена называли консерваторов, ретроградов.

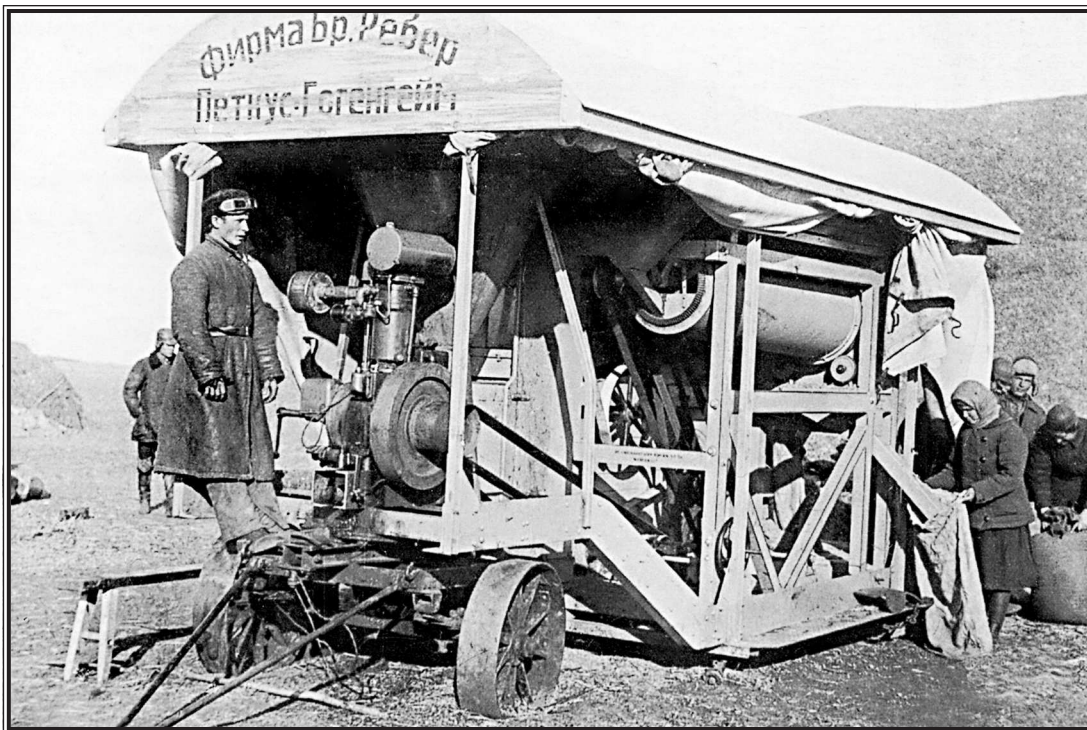
ну, попрекали его тем, что ни в одной губернии не было сожжено столько дворянских имений, как в Саратовской, что губернатор Столыпин дружил с «красными» земцами и даже защищал их в Балашове от «народного негодования», за что и сам пострадал.

Вкратце в Балашове произошло вот что. На один из обычных в то время митингов в земской управе напали черносотенцы. Земским служащим грозила очень серьезная опасность. На выручку явился губернатор Столыпин, который под эскортом казаков вывел осажденных, но при этом толпа бросала в земцев камни, одним из которых был задет и губернатор, а призванные губернатором для защиты земских служащих казаки били их нагайками, причем один казак ударил председателя управы Н. Н. Львова, находившегося возле Столыпина. Губернатору ставили в вину, что его обращение к толпе носило двусмысленный и во всяком случае малоуспокоительный характер и что казаки, избивавшие земцев в присутствии самого губернатора, тоже не встретили надлежащего отпора. Указывали также, что среди имений, сожженных в Саратовской губернии,

было очень много таких, которые принадлежали видным оппозиционным деятелям.

Все наблюдатели единогласно отмечают редкое личное мужество П. А. Столыпина, спокойно входившего в середину бушующей толпы, не принимавшего никаких мер для охраны своей личности в то время, когда террор был в разгаре.

В Первой думе, на заседании 15 июня 1906 г. (см. «Стенографические отчеты», стр. 1344 и сл.), Аникин подробно и в очень резкой форме говорил о борьбе П. А. Столыпина с прогрессивным саратовским крестьянством. В селе Лох Саратовского уезда, рассказывал член Думы, года три тому назад 15 молодых крестьян, грамотных, развитых, объединились в артель, завели все артельное хозяйство и на доходы с артельного хозяйства устроили библиотеку, помогали бедным крестьянам, помогали погорельцам и явились культурным ядром села, которому завидовали многие. Но Столыпин, рассказывал Аникин, поехал в село Лох, давил на земских начальников, на старшин и принимал все меры к тому, чтобы разбить эту организацию. Члены крестьянской сельскохозяйственной артели в селе Лох были арестованы и посажены

Машина для обмолота зерна фирмы «Братья Рёбер».

Фотография. 1890-е гг.

П. А. Столыпин. Фотография. 1902 г.

в тюрьму, их держали в тюрьме более полугода, без всяких доказательств, без предъявления обвинения, и организация была разбита. Точно так же и другие организации были разбиты административной распорядительностью губернатора Столыпина. Так, артель в селе Синодском, сельскохозяйственные общества в селах Малая Сердоба и Ключи подвергались чуть ли не еженедельным обыскам. Полиция перекапывала гряды, перерывала солому, разваливала снопы — словом, производила полное опустошение хозяйства. Тот же Аникин в чрезвычайно резкой форме описывает объезд губернатором Столыпиным Петровского уезда, крестьяне которого на собранном земством совещании вынесли обычную тогда резолюцию. Губернатор, по словам Аникина, «собирал сходы, на сходах кричал, ругался нецензурными словами, грозил крестьянам и Сибирью, и каторгой, и казаками и всем, чем угодно, и, когда выходили совершенно мирные крестьяне, чтобы возразить, их арестовывали». В пример Аникин указывает

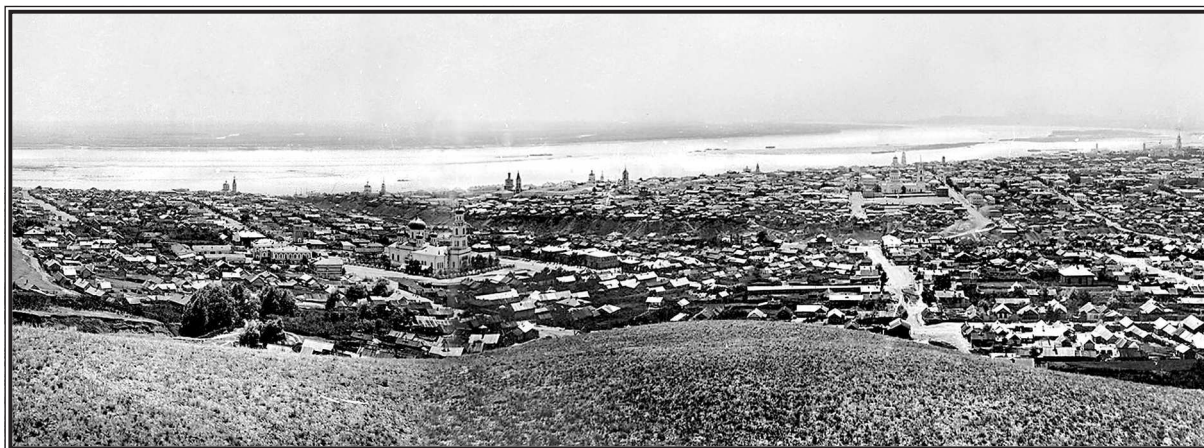
на «богатого крестьянина, капиталиста, которого нельзя заподозрить ни в какой революционности, проживающего в селе Черкасском, некоего Кулакова», арестованного за то, что он сказал про резолюцию: «Ваше превосходительство, ведь здесь сказана только одна правда».

Член Думы Аникин рассказал и про свой личный разговор с саратовским губернатором, не утвердившим его в земской должности. «Вы занимаетесь разговорами с крестьянством, вы говорите, что крестьянам нужна земля», — заявил ему губернатор. Аникин будто бы на это ответил: «Да, я это говорю крестьянам, повторю это и вам: крестьянам нужна вся земля». На это последовал такой ответ: «Но это вы можете говорить мне, Столыпину, а крестьянам этого говорить нельзя».

Трудно, конечно, судить, насколько верно и беспристрастно переданы Аникиным частности всех этих событий и разговоров. Но несомненно, что отношения П. А. Столыпина к крестьянам были значительно иные, чем к лицам других сословий, в особенности к дворянам и интеллигентам. Правда, преследуемые цели всегда были одинаковые и сводились к разрушению и устранению независимых от администрации организаций. Но в то время как по отношению к крестьянам применялись меры быстрые и решительные, в отношениях к другим организациям П. А. предпочитал руководиться тактикой не штурма, а неуклонной осады.

Такая политика блокады была применена к земским учреждениям, тогда стихийно выходившим за свои границы. Рядом мелких формальных настойчивых указаний саратовский губернатор постепенно суживал стихийно расширявшийся круг земской деятельности, помаленьку устранял неудобных лиц и сводил на нет неудобные земские постановления. Любопытный характер носила и борьба с митингами городской демократии, принявшими тогда в Саратове большие размеры. Столыпин и тут, в отличие от своего образа действий в деревне, не счел удобным сразу уничтожить эти митинги. Он «искоренил» их исподволь. Сначала у некоторых содержателей крупнейших залов были отобраны подписки в том, что они не будут отдавать своих помещений под собрания. Митинги продолжались в других помещениях.

Скоро дошла очередь и до них. Когда все городские помещения оказались закрытыми, собрания перенесены были за город. Понятно, что такие собрания посещались уже преимущественно

Общий вид Саратова. Фотография. 1894 г.

молодежью и рабочими. Лица с общественным положением их, конечно, избегали. Некоторое время эти собрания на открытом воздухе терпелись. Полиции стали известны все ораторы, а затем приняты были решительные меры. Место собраний было окружено казаками, произошло небольшое столкновение с толпой, и митинги в Саратове прекратились.

В борьбе и с буйной городской демократией, и с оппозиционным земством губернатор Столыпин, бесспорно, проявил выдержку, хладнокровие, умение выжидать и наносить удары в подходящую минуту.

Таков был багаж, с которым П. А. Столыпин занял пост министра внутренних дел в кабинете Горемыкина.

Характерно, что П. А. Столыпин в 1905 г. считался «либеральным губернатором». Когда в октябре 1905 г. А. И. Гучков и другие «общественные деятели» вели переговоры с гр. Витте о вступлении в кабинет, они противопоставляли П. Н. Дурново кандидатуру в министры внутренних дел П. А. Столыпина, выдвигавшегося тогдашним обер-прокурором Святейшего синода кн. Оболенским.

Глава II

На дороге к премьерству

Время с мая по июль 1905 г., два месяца жизни Первой Государственной думы, является наиболее важным и для судьбы П. А. Столыпина. Но в то же время оно пока представляется и наиболее темным. В эти два месяца создались условия, подготовившие столь необычайно быстрое возвышение Столыпина. Чем и как он завоевал высокое доверие, мы пока не знаем. На кого опирался он при дворе, тоже пока неизвестно.

В печати, например, спорили даже о том, почерпают ли свою силу родственники П. А. Столыпина Нейдгардты — от него или же, наоборот, он — от них. Несомненно, что в это время П. А. завязывает сношения с представителями разных политических партий. Тогда выдвигаются

крупенские, пуришкевичи и граф Бобринский, некоторые союзники. В это же время П. А. нащупывает и отыскивает своих будущих помощников и советчиков. От графа Витте с чрезвычайной легкостью и быстротой к нему перебегают специфически шустрый г-н Гурлянд. Намечаются физиономии Крыжановского, Макарова, Трусевича и других. Вскоре после своего назначения П. А. обратился к губернаторам с циркуляром, требующим «самого зоркого наблюдения за малейшими признаками нарождающейся смуты». Смуты он ждал потому, что люди, желающие ее, воспользуются тем, что «предпринятые коренные преобразования не могут получить осуществления сразу и что правительство, желая широких

реформ, не будет, однако, держаться взглядов партийных и не уклонится от начал строго государственных». Наряду с «зоркостью» губернаторам рекомендовались законность и внимательность к интересам частных лиц.

Первое выступление П. А. Столыпина в Государственной думе состоялось 8 июня 1906 г. по запросам об аресте Щербака и о провокации. В начале же июня маленькая, до того совершенно неизвестная бульварная газетка «Россия» превращается в официоз, руководимый Гурляндом,

Гурьевым и Сыромятниковым. В специальном циркуляре Главного управления по делам печати за № 5378 губернаторам предлагается принять во внимание, что передовые статьи «России» выражают взгляды и намерения правительства.

В то время как сам Горемыкин, председательствовавший тогда в Совете министров, в Государственную думу совершенно не показывался и вообще никакой деятельности не проявлял, П. А. Столыпин много работал. Он несколько раз выступал на думской трибуне, он вел переговоры с различными политическими партиями (в том числе и с кадетами), он руководил внутренним управлением, т. е. в сущности — всей политикой. В то время как Стишинского, Гурко, Павлова Государственная дума не хотела и слушать и гнала их от себя градом ругательств, к П. А. Столыпину относились по тому времени сравнительно сдержанно. П. А. Столыпин старался говорить с народными представителями корректным языком, выказывая им полагающееся по закону уважение, сохраняя всегда и собственное достоинство.

Но официальная «Россия» для руководства губернаторам в те же дни писала: «Г-да министры, конечно, не обязаны больше являться в буйную толпу, именующую себя законодательным учреждением, а могут посылать в нее, если понадобится, хотя бы своих столоначальников». Но самым ярким явлением того времени было, несомненно, печатание в официальном отделе «Правительственного вестника» так называемых черносотенных телеграмм, в которых наспех организованные в разных местностях отделы Союза русского народа, руководимые Дубровным и Пуришкевичем, работавшими тогда еще совместно, просили разогнать Думу, обвиняя ее в стремлении к захвату верховной власти и к разрушению самого государства.

Печатание таких телеграмм в официальном правительственном органе было, несомненно, уголовным преступлением, проявлением «дерзостного неуважения» к высшему законодательному учреждению. Государственная дума обращалась по этому поводу, сначала с вопросом, а затем и с запросом, к председателю Совета министров. В ответ на это председатель Думы С. А. Муромцев получил несколько бумаг за подписью Горемыкина, извещающих, что он не признает возможным отвечать Думе по поводу опубликования адресованных Государю Императору телеграмм.

*«Я предвижу возражения,
что существующие законы
настолько несовершенны, что
всякое их применение может
вызвать только ропот.
Мне рисуется волшебный
круг, из которого выход,
по-моему, такой:
применять существующие
законы до создания новых,
ограждая всеми
способами и по мере сил
права и интересы
отдельных лиц.
Нельзя сказать часовому:
«У тебя старое кремневое
ружье». Употребляя его,
ты можешь ранить себя
и посторонних. «Брось ружье».
На это честный часовой
ответит: «Покуда я на посту,
покуда мне не дали нового
ружья, я буду стараться
умело действовать старым»».*

П. А. Столыпин.

8 июня 1906 г.

18-го октября, вторник. 1905 г. 18-го октября, вторник

ВѢДОМОСТИ СПБ. ГРАДОначальства

LXVII-й годъ Изданія. № 221

Телефонъ редакціи № 1450. Телефонъ типографіи № 38.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ.

Смута и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преподнесли сердце НАШЕ. Благо Россіею ГОСУДАРИ неразрывно съ благомъ народнымъ и печалью народа ЕГО печаль. Отъ волненій, нѣтъ возникшихъ, можетъ вылиться губою неспокоемъ народное и угроза чести и единству Державы НАШЕЙ.

Великій обрѣтъ Царскаго служенія повелеваетъ НАМЪ всѣми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повысить подвѣщающія власти принять мѣры къ ускоренію примиренія враждующихъ, безпечности и тишины, къ охрану людей мирныхъ, стремившихся къ спокойному выполненію долга и къ исполненію долга, МЫ, для успѣшнѣйшаго выполненія общаго предначертанія НАМИ къ умиротворенію государственной жизни мѣры, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанности Правительства возлагается МЫ исполненіе непреклонной НАШЕЙ воли:

1. Держать незыблемо неизменными основы гражданской свободы на началахъ дѣятельной невмѣшательства личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.
2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участию въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, тѣмъ классамъ населенія, которые вышѣ сообразно личнымъ избирательнымъ правамъ, предоставленнымъ, засиживъ, дальнейшее развитіе начала общаго избирательнаго права нѣмъ установленному законодательному порядку.

Привлекаемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи исполнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей послѣдней смуты и явиться съ НАМИ наравнѣ всѣхъ силъ къ восстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Дать въ Петербургѣ въ 17 день Октября, въ день отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятый, Царствования же НАШЕГО въ одиннадцатое.

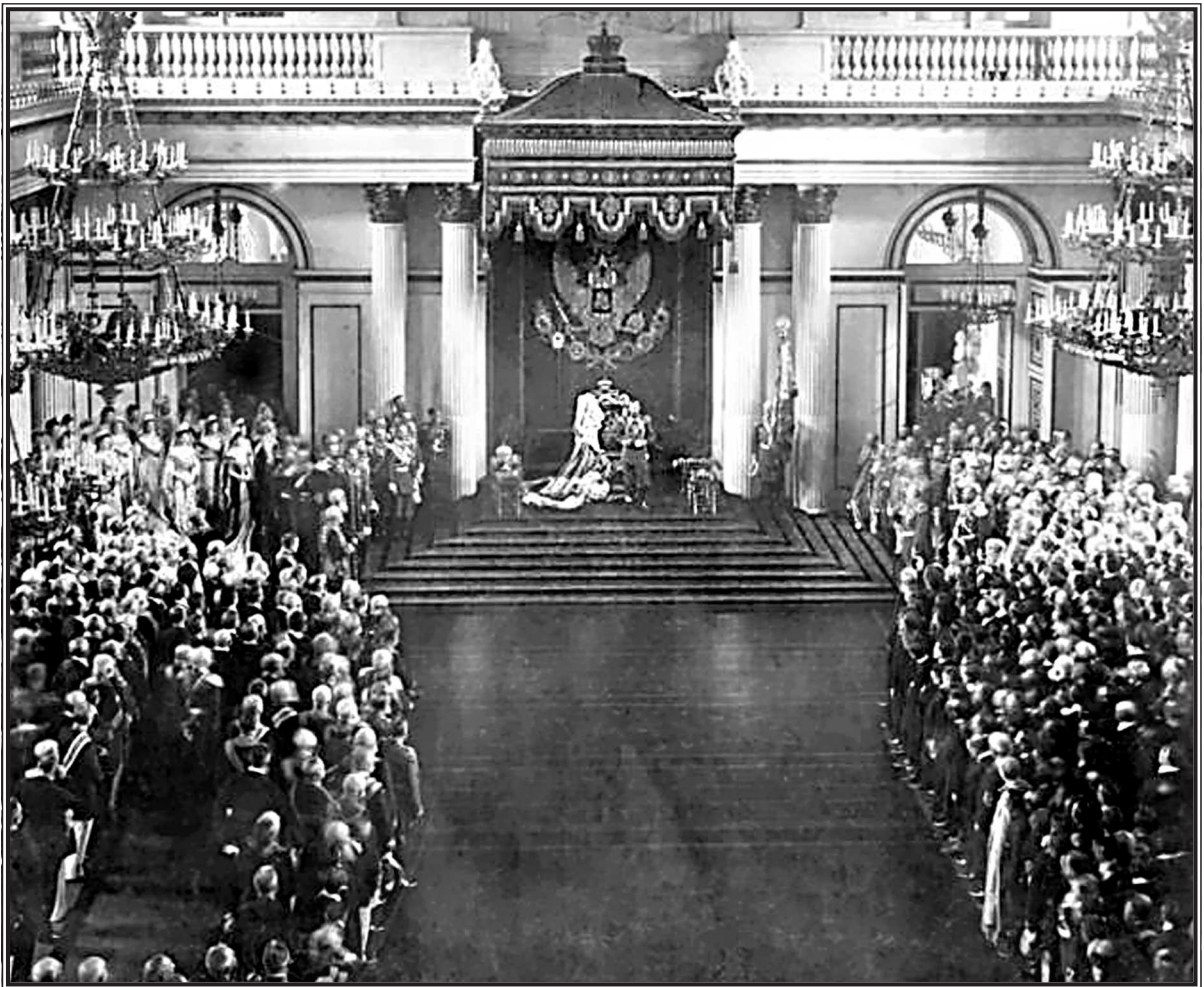
На подлинномъ Собственному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ рукою подписано:
„НИКОЛАЙ“

Газетная публикация Манифеста 17 октября 1905 года.

Государственная дума в России была учреждена Манифестом императора Николая II «Об учреждении Государственной думы» и Положением «О выборах в Государственную думу» от 6 августа 1905 г. Первоначально предполагалось, что она будет выполнять только совещательную функцию. Однако Манифестом 17 октября Дума наделялась уже законодательными полномочиями.

Благодаря этой переписке история с телеграммами осталась в общественном мнении связанной с именем Горемыкина, и роль в ней министра внутренних дел, в непосредственном заведовании

которого находится «Правительственный вестник», была не выяснена. Из выступлений П. А. Столыпина в I Думе наибольшего внимания заслуживает, конечно,

Торжественное открытие в Зимнем дворце
Государственной думы и Государственного совета.

Фотография. 27 апреля 1906 г.

его речь в ответ на запрос о провокации. Он высказался тогда за «порядок, необходимый для развития самых широких реформ»; заявил, что «правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления»; возмущался приписанным правительству желанием «управлять всей страной при помощи исключительных законов». «Недомолвок не допускаю и полуправды не признаю», — сказал он в своей речи и признал, что «отдельные чины корпуса жандармов позволяли себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и Министерство обязывается при-

нимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет». Это ручательство вызвало, однако, большое сомнение у отвечавшего Столыпину члена Думы, бывшего товарища министра внутренних дел князя Урусова. Высказав полную уверенность в полной «искренности» г-на Столыпина, князь Урусов, однако, заявил, что «может утверждать, что категорическое заявление, сделанное нам сегодня, вряд ли имеет под собой твердую почву». Князь Урусов пошел дальше. Он прямо указал и причины своего неверия. «Я могу утверждать, — сказал он, — что никакое министерство, будь оно даже взято из состава Государственной думы, не сможет обеспечить

порядок и спокойствие, пока какие-то неизвестные нам люди или темные силы, стоящие за недосыгаемой оградой, будут иметь возможность грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции».

На это Столыпин ответил: «По приказанию Государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти, и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю». Но на конкретные указания члена Думы Винавера, что все чиновники, избличенные в погромной агитации, не только не наказаны, но, наоборот, получили награды и повышения (названы были имена Рачковско-го, Тимофеева, Будаговского, Подгоричани), П. А. Столыпин возразил, что он «не обязан отвечать на запросы... о моем мнении относительно моих предшественников». Отгородив себя, таким образом, от политики Дурново, новый министр внутренних дел для большей ясности прибавил: «То, что не хорошо, того больше не будет». Но тут ему пришлось услышать крики: «А Белостокский погром!»

Незадолго перед выступлением министра в Белостоке разыгрался сильный погром, во время которого было 88 человек убито и 82 ранено. В парламентских отчетах остались доклады членов Думы, командированных для расследования этого погрома. Картина получилась ужасающая. Происходил расстрел мирного населения, полиция руководила погромщиками, губернский чиновник Стукалич, под видом официальной телеграммы, опубликовал заведомо ложное сообщение об убийстве еврейскими бомбами православного и католического священников; якобы раненные бомбами Демидюк и Козубай по исследованию оказались ранеными солдатскими пулями и т. д. и т. д. В тех же своих речах, сказанных 8 июня, П. А. Столыпин дал общую образную формулу своей политики, которая вскоре сделалась крылатым словом и часто цитировалась. «Мне рисуется,— говорил он,— волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц.

Петр Николаевич Дурново
(1842—1915)

Директор Департамента полиции (1884—1893), министр внутренних дел (1905—1906). В борьбе против революции 1905—1907 гг. применял жестокие меры, поддерживал деятельность черносотенных организаций, из-за чего в 1906 г. эсерами было решено убить Дурново, но этот план осуществить не удалось. Перед самым открытием Государственной думы, 22 апреля 1906 г., Дурново, вместе с остальными членами кабинета Витте, вышел в отставку.

Нельзя сказать часовому: «У тебя старое кремневое ружье. Употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних. Брось ружье». На это честный часовой ответит: «Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым».

Впоследствии оппозиция неоднократно напоминала Столыпину, что кремневое ружье, признанное негодным много лет тому назад, затем оказалось весьма и весьма пригодным для целей внутренней политики и что «честный часовой» продолжал преисправно действовать негодным ружьем направо и налево, действительно нанося тяжелые раны и себе, но больше всего, конечно, посторонним. По мере «успокоения», говорили П. А. Столыпину, стремление заменить это «старое кремневое ружье» другим, более современным и более исправным оружием постепенно угасало. После 1 сентября 1911 г. все прозрели,

*«Область правительственной
власти есть область
действий. Когда полководец
на поле сражения видит,
что бой проигран, он
должен сосредоточиться
на том, чтобы собрать
свои расстроенные силы,
объединить их в одно целое.
Точно так же и правительство
после катастрофы находится
несколько в ином положении,
чем общество и общественное
представительство.
Оно не может всецело
поддаться чувству возмущения,
оно не может исключительно
искать виновных.
Оно должно объединить
свои силы и стараться
восстановить разрушенное».*

П. А. Столыпин

24 мая 1908 г.

что этим «кремневым ружьем» убит был и сам П. А. Столыпин.

Министр внутренних дел выступал в I Думе еще 12 июня (по вопросу о помощи голодающим) и 22 июня (по запросу об избииении депутата Седельникова). Оба раза его выступления были сделаны в твердой, но корректной форме. Он заявлял, что в продовольственном деле правительство стремится «привлечь все живые общественные силы на местах», что «без самодетельности самого населения оно не может удовлетворить его потребности» и т. д. Но Дума слушала его уже не так внимательно, отношение было враждебное, и раздавались оскорбительные крики, побудившие Столыпина, на заявления «лиц слева»,

ответить, что «на их клеветы, на их угрозы, на их угрозу захвата исполнительной власти министр внутренних дел, носитель законной власти, им отвечать не будет»...

Но центр тяжести того времени заключался не в думских выступлениях. В стране продолжалось брожение. «Революция» была разбита, но не раздавлена. То и дело вспыхивали волнения в войсках, аграрные беспорядки, стачки. Грабежи и убийства должностных лиц совершались ежедневно. На верхах шла упорная борьба. Возникли две партии. Одна считала опасным разрыв с Думой и рекомендовала идти на уступки, не пугаясь даже крайнего средства — образования «министерства, пользующегося доверием Думы», т. е. кадетского министерства с С. А. Муромцевым или П. Н. Милюковым во главе. Другая партия рекомендовала идти напролом — распустить Думу, а там действовать смотря по обстоятельствам, не отступая и перед военной диктатурой.

Представителем первой партии явился дворцовый комендант Д. Ф. Трепов, которого общественное мнение считало самым злым и влиятельным реакционером. Против него была направлена знаменитая речь кн. Урусова. Его он имел в виду, когда говорил о влиянии на судьбы страны «городовых и вахмистров по воспитанию, погромщиков по убеждениям». Этот внезапный переворот до сих пор составляет историческую и психологическую загадку. Была ли на самом деле тут радикальная перемена взгляда «для спасения монархии», как утверждали одни, или же в голове Д. Ф. Трепова сложился отчаянный полицейско-провокационный план, сводящийся к «ускорению созревания нарыва», к преждевременному провоцированию взрыва, чтобы подавлением его и уничтожением легальной оппозиции расчистить пути для восстановления и укрепления старого режима?.. Как бы то ни было, Д. Ф. Трепов вступил в переговоры с П. Н. Милюковым и деятельно агитировал «в сферах» за «кадетское министерство»...

Партия, стоявшая за немедленный роспуск Думы, была, конечно, сильнее. Настоящие вожди ее, влиятельные придворные, работали в тиши. Публично выступали лишь *dii minores**. Высказался, например, публично г-н Шванебах, за-

* Младшие боги (лат.).

Дмитрий Федорович Трепов
(1855—1906)

Генерал-майор, московский обер-полицмейстер в 1896—1905 гг. С 1905 г.— петербургский генерал-губернатор, начальник петербургского гарнизона и заместитель министра внутренних дел. В начале 1906 г. высказывал мнение о необходимости уступок обществу. Был против роспуска Думы как меры, могущей привести к опасным последствиям. Умер от сердечного приступа.

нимавший пост государственного контролера в министерстве Горемыкина. Сотруднику «*Times*» г-н Шванебах сказал: «Дума вовсе не парламент, Дума просто революционное сборище, вроде совета рабочих депутатов или союза союзов... Она дискредитирует себя, натворит много бед и закончит бесславною смертью...»

Другой член кабинета, министр финансов г-н Коковцов, высказывался не менее решительно. Он предсказывал, что и немедленный роспуск Думы не вызовет ни революционного, ни аграрного движения. «Все сведения об этом,— говорил он,— страшно преувеличены. Те же опасения были, когда решено было принять решительные меры против совета рабочих депутатов, и, как оказалось, опасения эти не оправдались». Как выяснилось впоследствии, г-н Шванебах состоял своеобразным осведомителем германского императора, которому он адресовал письма о внутреннем положении России. О внутрен-

них русских делах он говорил и переписывался и с австро-венгерским министром иностранных дел графом Эренталем. И действительно, есть кое-какие указания, что именно перед роспуском Первой думы между Венским и Берлинским кабинетами происходили переговоры о русских делах, о возможности иностранного вмешательства. В нашей официальной «России» появилась статья, подтверждавшая, что в конце мая, ввиду усиления аграрного движения в России и опасной деятельности Думы, австрийское правительство вело переговоры с германским.

Газеты, между прочим, подчеркивали, что наместник австрийской Галиции являлся в то же время крупным русским помещиком. В результате переговоров оба правительства пришли к выводу, что, «при известных условиях, активное вмешательство во внутренние дела России с целью подавления или ограничения аграрно-революционного движения могло бы явиться желательным и полезным», но под условием «не только согласия, но также прямо и ясно высказанного желания соответственного русского правительства».

Статья в «России» произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Газета пыталась было утверждать, что ее заметка не носила никакого официального характера, основывалась на газетных сообщениях сомнительной точности и прочее. Но все эти оговорки и старания замести следы не привели ни к чему. В общественном мнении прочно установился взгляд, что «партия роспуска», как ее тогда называли, в виде последнего оружия рассчитывает на иностранную помощь и опирается на иностранные авторитеты.

В 1906 г. при главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел по решению П. А. Столыпина было создано Осведомительное бюро, в задачи которого входило передавать в средства массовой информации официальные сообщения, комментировать меры, предпринимаемые правительством, и составлять обзоры местной, центральной и зарубежной прессы для министра внутренних дел и руководителей других ведомств.

Какую же позицию среди двух этих партий занимал министр внутренних дел? Опять-таки,

Император Николай II
(1868—1918)

для решения этого вопроса в настоящее время нет еще достаточно полных сведений. Известно пока вот что. Когда в одном из заседаний III Думы в 1909 г. П. Н. Милюков указал, что П. А. Столыпин в июне 1906 г. вел с ним «предварительные переговоры о кадетском министерстве», председатель Совета министров через Осведомительное бюро разъяснил, что «в июне 1906 г. П. Н. Милюков был приглашен к министру внутренних дел Столыпину, согласно Высочайшему указанию, исключительно для выяснения планов и пожеланий преобладающей в то время в Государственной думе конституционно-демократической партии».

Когда же П. Н. Милюков указал, как на единственное решение вопроса, на образование чисто кадетского министерства, не соглашаясь даже на коалиционное, то П. А. Столыпин представил свой доклад с заключением, что это «могло бы самым губительным образом отразиться на интересах России, каковое заключение, — прибавляло Осведомительное бюро, — было Его Величеством тогда же всецело одобрено».

В общественных кругах, однако, указывалось, что к комбинации думского министерства с сохранением за П. А. Столыпиным портфеля

министра внутренних дел П. А. относился сочувственно. В заметках С. А. Муромцева после его смерти найдены были записи, что товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский во время своих визитов к председателю Государственной думы «дважды заявлял о желательности для П. А. Столыпина встречи с С. А. в каком-либо нейтральном месте», но это «в исполнение приведено не было».

Таковы сведения о переговорах П. А. Столыпина с кадетами. Но несомненно, что в то время министр внутренних дел вступал в сношения и с другими общественными деятелями и организациями, и не только прогрессивными, как граф Гейден, Н. Н. Львов и М. А. Стахович, подготовлявшими тогда партию «мирного обновления», но и с самой сильной реакционной группой — Советом объединенного дворянства. Состоявшийся в то время Дворянский съезд поднес Государю всеподданнейший адрес, в котором развил свою программу. Она сводилась к самому энергичному протесту против «принудительного отчуждения» частных земель и к требованию «облегчения для крестьян перехода к пользованию землей на праве полной собственности».

По некоторым данным, в частных переговорах с П. А. Столыпиным Совет объединенного дворянства, руководимый графом А. А. Бобринским и руководивший выступлениями своей демагогической организации Союза русского народа, ставил следующие условия: 1) роспуск Государственной думы; 2) введение скорорешительных судов; 3) прекращение всяких переговоров с прогрессивными деятелями о вступлении их в министерство и 4) изменение избирательного закона.

Теперь, конечно, ясно, что П. А. Столыпин постепенно выполнил всю программу объединенного дворянства. Но сделал он это не без колебаний и лишь после того, как убедился в бесплодности своих стараний сойтись с кадетами, в бессилии Государственной думы и во влиятельности объединенного дворянства.

Окончательный переход П. А. Столыпина на сторону «партии роспуска» произошел, по видимому, в конце июня. Московский процесс Рейнбота выяснил, что около этого времени администрация конфиденциально предупреждалась о возможности роспуска и ей давались советы быть наготове.

Глава III

Первое междуумье

Первая дума погибла. Сквозь шум и грохот Думских речей П. А. Столыпин увидел, что страна, пославшая радикальное представительство, не окажет ему настоящей поддержки. Народ, избравший кадетов и левых, видел в них особое новое начальство, от которого сам ждал великих и богатых милостей. При таком настроении о серьезной «поддержке» нечего было и говорить, хотя на митингах фальсификаторы народных настроений говорили об этом так громко, что ввели в заблуждение и неглупых людей. То, что П. А. Столыпин в данном случае проявил больше проницательности и способности к хладнокровным оценкам, чем вожди оппозиции, несомненно, свидетельствует о его государственных способностях, как бы кто ни относился к тому, на что он их направил.

П. А. Столыпин готовился к роспуску недели две. Администрация была предупреждена. Собраны военные силы. Накануне самого роспуска произошло странное событие, кладущее большую тень на первого министра, оглашенное с думской трибуны, но им не объясненное и не опровергнутое. Имея уже в кармане указ о роспуске Государственной думы, П. А. Столыпин в пятницу вечером по телефону извещал С. А. Муромцева о своем намерении выступить в понедельник в Думе... В воскресенье утром Таврический дворец был уже занят войсками, а большая часть членов I Думы поехали в Выборг, где совершили политическую ошибку, которая, с одной стороны, значительно облегчила П. А. Столыпину его задачу, но, с другой, способствовала стремительному его уклону вправо. Мы говорим, конечно, о Выборгском воззвании*. Роспуск Первой думы сопровождался, несомненно, известными нарушениями формы: на опубликованном указе отсутствовала скрепа (как после выяснилось, она была сделана Горемыкиным), не указан был срок выборов, а только время созыва Государственной думы. Но акт 3 июня 1907 г. впоследствии ясно

показал, что говорить о государственном перевороте 9 июля 1906 г. еще не было оснований.

Поездка конституционалистов-демократов и левых в Выборг явилась фоном для выступления двух других партий: существовавшего уже «Союза 17 октября» и вновь образовавшейся группы мирнообновленцев, к которой примкнули некоторые бывшие кадеты, например Н. Н. Львов. Эти группы обратились к населению с воззванием, приглашая спокойно готовиться к новым выборам. Революционные группы волновались, и на Териокских совещаниях**, на которых, как впоследствии обнаружилось, секретарствовал Азеф, было решено готовиться к «вооруженному восстанию». Предполагалось объявить всеобщую забастовку, подкрепив ее вооруженным восстанием в армии и флоте. Но план этот провалился. Восстания в Свеаборге и Кронштадте и во флоте у Ревеля разыгрались совсем не так и не в то время, как рассчитывали революционеры, и были легко подавлены. Забастовка не удалась. Но настроение тревоги было все-таки распространено.

Через два дня после вступления в должность, 11 июля, П. А. Столыпин отправил губернаторам две циркулярные телеграммы. Первая из них, которая по телеграфу была сообщена и за границу, говорила: «Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены... Правительство проникнуто твердым намерением способствовать отмене и изменению в законном порядке законов, устаревших и не достигающих своего назначения. Старый строй получит обновление». Во второй телеграмме губернаторам предписывалось, «дабы не препятствовать умиротворению страны и спокойному ожиданию реформ, строго следить за населением, не разрешая ему ни собраний, ни митингов, возбуждающих к противозаконным деяниям». Затем рекомендовались «меры предосторожности для пресечения беспорядков»: «высылки, аресты и ссылки в отдаленные места импе-

* 9 июля 1906 г. в Выборге большой группой депутатов (169 чел.) только что распущенной I Государственной думы было обнародовано воззвание «Народу от народных представителей», которое призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) — не платить налоги, уклоняться от военной службы и т. д.

** Еще одна группа депутатов распущенной I Думы собралась 14 июля в Териоки (ныне — Зеленогорск), находившемся тогда в пределах Великого княжества Финляндского, где трудовиками было предложено создать Исполнительный комитет ликвидированной Думы. Кадеты, однако, их не поддержали. Заседания оказались безрезультатными.

Александр Иванович Гучков
(1862—1936)

А. И. Гучков считался знаменитым оратором, имел репутацию бретера и, по словам С. Ю. Витте, «вообще был любителем сильных ощущений. Эта же черта проявлялась вообще у многих московских купцов-самодуров». С 1893 г. занимался общественно-политической деятельностью (стал членом Московской городской управы), а также коммерцией и предпринимательством. С 1906 г. — лидер партии «Союз 17 октября»; с 1907 г. — депутат Государственной думы. Придерживался либерально-консервативных взглядов и первоначально поддерживал проводимые П. А. Столыпиным реформы, однако позднее стал инициатором перехода «Союза 17 октября» в оппозицию к правительству.

Во время Первой мировой войны служил особоуполномоченным Российского общества Красного Креста. Один из организаторов Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1917 г., как представитель Временного комитета Государственной думы, принял отречение Николая II. Военный и морской министр Временного правительства России (1917). После установления власти большевиков эмигрировал.

рии»... Немедленно же в столицах и в провинции было закрыто множество газет, арестована масса лиц и закрыты между прочим все клубы, центральные и районные, партии народной свободы, впоследствии в Москве открытые до нового закрытия.

В то же время П. А. Столыпин начал переговоры с общественными деятелями (от октябристов до кадетов) о вступлении их в Совет министров.

«Союз 17 октября» — российская политическая партия праволиберального толка, представлявшая чиновников, помещиков и крупную торгово-промышленную буржуазию. Существовала в 1905—1917 гг. Октябристы придерживались умеренно конституционных взглядов. Главой партии с 1906 г. был А. И. Гучков.

Кадеты — представители Российской конституционно-демократической партии, или Партии народной свободы, существовавшей в 1905—1917 гг. Лидером ее был П. Н. Милюков. Кадеты представляли собой левое крыло российского либерализма. Выступали за внедрение в России проверенных временем западных конституционных институтов и либеральных ценностей, за постепенную эволюцию самодержавного строя и легальные методы политической борьбы. Партия народной свободы никогда не была легально зарегистрирована.

Конституционно-монархическая Партия мирного обновления была создана в июле 1906 г. группой бывших левых октябристов и правых кадетов, входивших во фракцию «мирного обновления» в I Думе. Официальными печатными органами мирнообновленцев были газета «Слово» (редактор М. М. Федоров) и журнал «Московский еженедельник» (редактор князь Е. Н. Трубецкой). Представляла крупную буржуазию и помещиков. В 1907 г. в III Думе мирнообновленцы слились с Партией демократических реформ во фракции прогрессистов, ядро которой в 1912 г. сформировало Партию прогрессистов.

Переговоры велись с двумя группами. Во главе одной стояли Д. Н. Шипов и князь Г. Е. Львов, а во главе другой — граф Гейден, Н. Н. Львов и А. И. Гучков. Первые оказались более требовательными. Они настаивали на предоставлении общественным деятелям семи мест в кабинете и притом требовали непременно портфеля министра внутренних дел. Этим условий П. А. Столыпин не принял. Другая группа так же, как и первая, требовала опубликования определенной программы, но соглашалась ограничиться только пятью портфелями. П. А. Столыпин предложил вопрос о принятии и опубликовании программы «оставить открытым, ввиду того что правительство решило и без того неуклонно следовать по пути реформ»; что же касается портфелей, то на первое время ограничиться двумя. Граф Гейден

Полиция и пожарные у остатков экипажа после взрыва
на даче П. А. Столыпина на Аптекарском острове.

Фотография К. Буллы. 12 августа 1906 г.

сразу понял, что он является третьим лишним, и уехал, а А. И. Гучков и Н. Н. Львов, посоветовавшись, отклонили сделанные им предложения. В выпущенном затем официальном сообщении говорилось, что комбинация со вступлением в кабинет общественных деятелей встретила затруднение «вне доброй воли правительства и самих общественных деятелей». «Последние, — объяснялось далее, — желали составить группу лиц единомышленных, которые должны бы войти в правительство, но это им не удалось; отдельные же общественные деятели, из которых Н. Н. Львов и А. И. Гучков были приняты Его Величеством в продолжительной аудиенции, полагали, что они, в целях мирного проведения реформ, могут оказать большую пользу, не уходя в настоящую минуту от общественной деятельности, которая им свойственна и которая требует мобилизации всех трезвых общественных сил». Как мы видели, дело обстояло не совсем так...

Высказывалось подозрение, что переговоры с общественными деятелями с самого начала были поставлены совершенно неискренно, что они велись с принятым заранее решением никого из этих лиц в кабинет не пускать. Беспристрастный анализ фактов устраняет это предположение. Как мы уже говорили, Совет объединенного дворянства поставил П. А. Столыпину четыре условия: роспуск Думы, скорорешительные суды, отказ от принятия в министерство прогрессивных общественных деятелей и изменение избирательного закона. В июле и в начале августа 1906 г. из этих четырех условий было выполнено пока только одно — роспуск Думы. Есть основания думать, что П. А. Столыпин не соглашался выполнять программу объединенного дворянства и действительно, искал опоры в общественных деятелях. Но затем, в силу тех или иных причин, нашел предъявленные ему условия для себя неприемлемыми и опасными...

В начале августа 1906 г. из 87 губерний и областей Российской империи на исключительном положении находились 82. Разбитая революционная волна превратилась во множество самостоятельных экспроприаторских и террористических ручейков, вскоре смешавшихся с чуждыми всякой политике обыкновенными грабительскими элементами. 12 августа одна из максималистских групп произвела памятный взрыв на Аптекарском острове. Брошенными бомбами огромной разрушительной силы убито было 27 человек, в том числе и некоторые из преступников, и ранено 32. Сам П. А. Столыпин спасся чудом, но должен был перенести еще большее горе, горе отца у постели своих искалеченных детей. Четырнадцатилетняя дочь и трехлетний сын были тяжело ранены, но, к счастью, остались живы. П. А. Столыпин, во время покушения и после него, проявил большое мужество. В России, а в особенности за границей, престиж П. А. Столыпина поднялся очень высоко. Максималисты, готовившие П. А. Столыпину на Аптекарском острове могилу, на самом деле создали для него пьедестал, как раньше купленные Союзом русского народа убийцы создали скромному приват-доценту и московскому депутату Герценштейну ореол мученика за крестьянские интересы...

Преступление 12 августа заставило П. А. Столыпина напрячь все свои силы. С августа месяца начинается самое интенсивное и продуктивное время его управления. В последующие пять месяцев он сделал больше, чем за все остальные пять лет. В это же время им совершены и крупнейшие ошибки, которые обесплодили хорошее и принесли так много дурного.

После ликвидации переговоров с общественными деятелями кабинет был образован из представителей бюрократии, причем наиболее реакционные деятели горемыкинского министерства, вроде А. С. Стишинского и князя Ширинского-Шихматова, были удалены. 24 августа была обнародована обширная правительственная программа. Она состояла из двух частей: боевой и реформаторской. Сообщив, что еще до роспуска Думы «революционные круги» деятельно готовили вооруженное и аграрное восстания, которые должны были быть поддержаны Думой, усилиями крайних элементов превращенной в Учредительное собрание, правительство указывало на полную неудачу всех этих замыслов. Но так как отдельные террористические акты, в ко-

Убийство депутата М. Я. Герценштейна, одного из разработчиков аграрной реформы, чрезвычайно популярного среди крестьян, произошло 31 июля 1906 г. в Териоки. Расследование шло чрезвычайно медленно. Однако в результате выяснилось, что главным организатором убийства оказался член Союза русского народа Казанцев. Последовавший судебный процесс занял более полутора лет. Летом 1909 г. финский суд, в котором слушалось дело, пришел к выводу о необходимости предъявить обвинение главе Союза русского народа Александру Дубровину — как инициатору убийства. 12 октября 1909 г. дело было закрыто после «повеления Его Величества непременно и настойчиво требовать окончания дела Герценштейна».

торые выродилась революция, имеющие целью навести на правительство панику, приводят общество в «смятение и тревогу», то «правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу». С этой целью, на основании ст. 87-й, вводилось положение о военно-полевых судах в местностях, объявленных на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, и значительно усиливались наказания за пропаганду в войсках.

Затем следовал переход к реформаторской программе, которой предшествовало любопытное введение, свидетельствовавшее, что в то время П. А. Столыпин еще боролся с Советом объединенного дворянства и руководимыми им организациями. Правительство, говорилось в программе, отказывается «обратиться исключительно к проведению в жизнь освободительных реформ, рассчитывая, что крамола в этом случае сама собою прекратится, потеряв всякий свой смысл». Мнение это правительство не может принять уже потому, что «революция борется не из-за реформ, проведение которых считает своею обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя». Но, говорится в программе, «правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, и приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». «Было бы величайшей ошибкой,— говорилось в другом месте,— видеть в ограждении госу-

дарства от преступных покушений единственную задачу государственной власти, забывая о глубоких причинах, породивших уродливые явления».

За этой объяснительной частью следовал перечень предстоящих реформаторских работ. Они были разделены на две группы. Одни реформы должны были быть произведены немедленно, не дожидаясь созыва Государственной думы, на основании ст. 87 Основных законов. Другие же должны были быть разработаны для представления народным представителям.

В ряду реформ, которые «по своей неотложности должны были быть проведены немедленно», на первое место был поставлен вопрос земельный и землеустроительный. Затем будут проведены «некоторые неотложные мероприятия в смысле гражданского равноправия и свободы вероисповедания: предполагается отменить отжившие ограничения, стесняющие крестьян и старообрядцев». «Равным образом,— говорилось в программе,— и в области еврейского вопроса безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно и какие, как касающиеся существа отношений еврейской народности к коренному населению, являются делом народной совести, почему предрешение их стеснило бы последующую работу законодательных учреждений». Как на меру неотложную, указывалось и на приступ к введению всеобщего образования? и на улучшение материального обеспечения народных учителей, для чего в ближайшую смету вносилось 5½ млн рублей. Список реформ, подготовлявшихся для внесения в Государственную думу, обнимал 12 пунктов. Отдельно стояло указание на подготовительные работы по предстоящему созыву Всероссийского поместного церковного собора. В заключении программы говорилось, что «правительство считает для себя обязательным не стеснять свободно высказываемого общественного мнения, будь то печатным словом или путем общественных собраний», если только «этими способами разумного проявления общественного сознания» не будут пользоваться «для проведения идей революционных».

Правительственная программа была встречена общественным мнением недоверчиво. Военно-полевые суды, в корне отрицавшие всякую идею суда и права и представлявшие лишь расправу под видом суда без всяких гарантий с против-

ником, уже захваченным и обезвреженным, вызвали особенно сильный протест. Из общественных деятелей-конституционалистов только один А. И. Гучков выступил с публичным одобрением всей правительственной программы, не исключая и военно-полевых судов. Это выступление вызвало жестокий отпор со стороны князя Е. Н. Трубецкого. «Вам,— писал он А. И. Гучкову в открытом письме,— лучше, чем кому-либо, судить о заявлениях П. А. Столыпина, который “по независящим обстоятельствам” не мог исполнить своей программы, требовавшей включения в его кабинет общественных деятелей. Вы знаете, что почти на другой день после опубликования правительственного сообщения, где правительство говорит о своем твердом намерении не стеснять свободного выражения общественного мнения, последовал отказ в разрешении съезда Партии народной свободы. В беседе с князем П. Д. Долгоруковым П. А. Столыпин заявил себя сторонником легализации партии: он признал “безумием” загонять ее в подполье, и тем не менее “безумие” было совершено».

Выступление А. И. Гучкова повело к очищению «Союза 17 октября» от «левых элементов». Ушел Д. Н. Шипов, и под руководством А. И. Гучкова Союз сделался верной опорой П. А. Столыпина. В его министерстве шла лихорадочная работа. Она велась в четырех направлениях: 1) осуществлялись реформы, обещанные в «программе»; 2) шла непрерывная борьба с остатками разбитых революционеров и объявленными революционерами уголовными преступниками при помощи военно-полевых судов и массовых смертных казней; 3) под руководством Крыжановского подготовлялись выборы во II Думу; 4) объявлена была беспощадная борьба Партии народной свободы (кадетам) и поддерживающим ее общественными элементами.

Съезд Партии народной свободы был запрещен, в легализации ей было отказано, правда по мотивам формальным, оставлявшим возможность дальнейших попыток. Руководители партии вступили в непосредственные переговоры с главой исполнительной власти и тут могли убедиться, в какой мере П. А. Столыпин не доверяет кадетам. Их он считал своими злейшими врагами, не только политическими, но и личными. В них он видел людей, которые могут быть призваны к составлению министерства. Эти своеобразные отношения наложили печать на всю дальнейшую

**Князь Павел Дмитриевич
Долгоруков**
(1866—1927)

Депутат Второй Государственной думы. В 1893—1903 гг. — уездный предводитель дворянства в Рузе (Московская губерния). С 1899 г. участвовал в кружке либеральных земцев «Беседа». Один из основателей либерального «Союза освобождения», председатель его съезда (1904). В 1905 г. за оппозиционную деятельность лишен придворного звания. Один из создателей Конституционно-демократической партии (кадетов), председатель ее ЦК в 1905—1907 гг., а затем заместитель председателя. В 1907 г. избран членом II Государственной думы, в которой стал председателем кадетской фракции.

Политические оппоненты обвиняли князя Долгорукова в претензиях на трон, в том, что он надеется стать президентом республики в случае свержения монархии, а также в содействии в 1905 г. революционной пропаганде в Рузском уезде.

политику П. А. Столыпина, в которой борьба с кадетами заняла непропорционально большое место. Официальная «Россия» была специально посвящена травле кадетов, и господин Гурлянд специализировался на этом спорте. Впоследствии, когда элементы, недовольные реформами, проведенными Столыпиным, подкапываясь под него, начали самого его именовать кадетом, антикадетская кампания, с таким усердием ведомая министерством, явилась как бы страхованием от подозрений... Воспользовавшись Выборгским воззванием, П. А. Столыпин одним ударом

обезвредил весь кадетский штаб. Против членов I Государственной думы, подписавших воззвание, возбуждено было, не без насилия над законом, преследование по ст. 129, как влекущее лишение избирательных прав. По почину курского дворянства, дворянские общества стали исключать перводумцев из дворянских собраний, что влекло за собой устранение их от всякой общественной деятельности. Нельзя при этом не вспомнить, что в Германии с депутатами Национального собрания 1848 г., сделавшими то же самое, что и депутаты первой русской Думы, поступили иначе. Их не преследовали, избирательных прав не лишали, и впоследствии из их рядов вышло много общественных деятелей, принесших родине большую пользу. Многие из них стали верными, за совесть, а не за плату, сотрудниками Бисмарка.

Провинциальные власти следовали, конечно, лозунгу, данному из Петербурга. Началось повсеместное преследование кадетов. Их исключали и не допускали в органы городского и земского самоуправления. Все их организации были закрыты. Их гнали со службы. Наиболее ревностные губернаторы, вроде вологодского, костромского и иных, возбуждали против них дутые процессы, огромное большинство которых через два-три года окончилось оправданиями, но пока что кадеты были «изъяты». Применен был в ход метод «ревизий», задача которых сводилась к тому, чтобы открыть кадетские «хищения» и изобразить их в глазах населения бесчестными людьми. Таковы были процессы против Кудрявого, Масленниковых и др. И они закончились оправдательными приговорами...

На преследовании кадетов дело не остановилось. «Союз 17 октября» был легализован, но деятельности никакой не проявлял. Но уже с Партией мирного обновления, в состав которой входили те люди, которых П. А. Столыпин месяца два тому назад приглашал в свое министерство, произошел скандал. Ей было отказано в легализации ввиду преследования задач, угрожающих общественному спокойствию. Легализованной деятельной партией был только один Союз русского народа, которому и разрешен был съезд в Киеве в то самое время, как он был запрещен Партии народной свободы. В сентябре месяце П. А. Столыпин, как разоблачил впоследствии г-н Булацель, вел переговоры с Союзом. Видным союзникам он обещал, что если они составят большинство в Государственной думе,

то к изменению Основных законов в их духе «вряд ли бы встретилось препятствие». Товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, при содействии Пуришкевича, который тогда в роли товарища председателя Союза руководил всеми союзными делами, деятельно работал над насаждением в провинции отделов Союза, над развитием официозной и союзнической прессы и проч. На все это были ассигнованы большие деньги. Но киевский съезд союзников выяснил, что Союз — плохая опора. Тайные полицейские доклады показали, во-первых, что Союз состоит из очень подозрительных, не пользующихся никаким уважением среди населения элементов, и, во-вторых, что рассчитывать на победу союзников на выборах нет решительно никаких

оснований, какие бы меры ни принимались. А меры эти были задуманы очень решительные. С. Е. Крыжановский при помощи так называемых сенатских разъяснений подготовил, в сущности, чрезвычайно резкое изменение избирательного закона...

Неудача с союзниками заставила сделать некоторый поворот. Петербургскому присутствию об обществах даны были указания о необходимости легализовать Партию мирного обновления, что и было, конечно, сделано, не без некоторого конфуза. Октябристам начали уделять несколько большее внимание, чем союзникам, а министры выказывали особые симпатии к торгово-промышленным кругам. Но — главное — решено было взяться за реализацию обещанных в Про-

Старообрядцы Шарпанского скита Семеновского уезда Нижегородской губернии.

Фотография М. Дмитриева. 1897 г.

Для ликвидации последствий неурожая 1906 г. правительство приняло решение о поставке хлеба в пострадавшие губернии — Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Самарскую и Тульскую. Подряд на поставку ржи при посредстве заместителя министра внутренних дел Столыпина *В. И. Гурко* (1862—1927) получил Э. Лидваль, основатель первого легального казино в Петербурге. Однако голодающие вместо 10 млн пудов получили только 915 тыс., а казенные деньги исчезли. 18 ноября 1906 г. в газетах появилось сообщение: «Государь Император <...> повелеть соизволил: расследование всех обстоятельств означенного дела возложить на члена Государственного совета действительного тайного советника Голубева при участии сенаторов — действительного тайного советника Шрейбера и тайного советника Кони <...>». Через год, 17 сентября 1907 г., Гурко был отставлен от службы по приговору Судебного присутствия уголовного кассационного департамента Сената — за «превышение власти и нерадение в отправлении должности». Его личное участие в афере доказано не было. Уже в следующем году он был «Высочайше всемилостивейше помилован», а в 1909 г. с него была снята судимость, но государственных должностей он более не занимал.

грамме 24 августа реформ. Осуществление ее носило довольно оригинальный характер. Кое в чем она была расширена против первоначальных предположений, а кое-что из категорически сделанных правительством обещаний выполнено не было.

Еще 12 августа, до обнародования программы, по указу Государя были переданы Крестьянскому банку для продажи малоземельным крестьянам удельные земли. 27 августа последовал указ о передаче банку для продажи крестьянам казенных земель.

5 октября последовал указ об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий. Крестьяне были сравнены с лицами других сословий в правах паспортных. Разрешена была принадлежность к нескольким сельским обществам, и постановлено, что крестьянин, получающий высшие права состояния, может оставаться членом сельского общества, сохраняя и право на надел. Отменено право земского начальника карать крестьян без суда в административном порядке.

Кандидатам в земские гласные, избравшимся волостными сходами, дозволено выбирать из своей среды гласных, которых до сих пор назначал губернатор. Отменены ограничения обязываться векселями.

17 октября последовали указы о вероисповедной свободе для старообрядцев разных толков и сектантов. Этими узаконениями определялись права старообрядческих и сектантских общин, наставников, ведение метрик. Заслуживает быть отмеченным, что в Программе 24 августа говорилось только о старообрядцах, тогда как указы 17 октября 1906 г. коснулись и сектантов.

В октябре же изданы были указы о понижении платежей крестьян по ссудам Крестьянского банка и о разрешении владельцам майоратных и заповедных имений отчуждать крестьянам участки своих владений.

9 ноября последовал знаменитый указ о выходе крестьян из общины, представляющий, не-

Убежденный монархист и черносотенец, *Владимир Митрофанович Пуришкевич* (1870—1920) в 1904 г. был назначен чиновником для особых поручений при министре внутренних дел В. К. Плеве. Был депутатом II, III и IV Государственных дум от Бессарабской губернии, неизменно оставаясь членом правой фракции. Приобрел широкую известность разного рода оскорбительными и хулиганскими выходками во время парламентских заседаний, за что много раз удалялся из Думы. Во время Первой мировой войны организовал санитарный поезд и был его начальником. Участвовал в убийстве Григория Распутина. После Февральской революции 1917 г. выступил против Временного правительства. Вел работу по созданию подпольных вооруженных организаций монархического толка. С приходом к власти большевиков ушел в подполье и попытался организовать заговор с целью свержения советской власти. В ноябре 1917 г. был арестован ВЧК в Петрограде, 3 января 1918 г. революционным трибуналом приговорен к четырем годам общественных работ, но был освобожден по амнистии в мае 1918 г. Уехал на юг, принимал участие в организации идеологической и пропагандистской поддержки Белого движения, сотрудничал с А. И. Деникиным. Издавал в Ростове-на-Дону черносотенный журнал «Благовест». Умер в 1920 г. в Новороссийске от сыпного тифа.

Зал заседаний Государственной думы в Таврическом дворце.

Фотография. Начало XX в.

сомненно, самое крупное дело П. А. Столыпина. О значении этой меры и ее роли в политике покойного премьера нам придется говорить позднее. Здесь отметим, что в разработке этой меры принимал близкое участие товарищ министра внутренних дел и один из руководителей общедворянской организации В. И. Гурко, которому скоро пришлось пасть жертвой лидвалевского скандала с поставкой хлеба в голодающие губернии.

15 ноября изданы были Правила об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах и в ремесленных заведениях. О немедленном осуществлении этой меры в Программе 24 августа не говорилось. Но видная роль, которую в городских выборах играли приказчики, своими голосами давшие победу кадетам, заставила правительство пойти дальше обещанного.

15 же ноября издан был указ о выдаче крестьянам ссуд из Крестьянского банка под залог наделных земель.

Так была осуществлена П. А. Столыпиным его реформаторская программа, по поводу которой г-н Меньшиков сказал, что председатель Совета министров «обобрал кадетскую программу». Кое-что, как мы видели, шло далее обещанного 24 августа. Но в еврейском, например, вопросе категорическое обещание «безотлагательно» рассмотреть, какие ограничения могут быть «отменены немедленно», осталось неисполненным*. Таких ограничений не нашлось, хотя В. Н. Кокцов и наметил ряд реформ по улучшению участи евреев. Утверждают, что П. А. Столыпин в данном случае наткнулся на препятствия, которых не мог преодолеть. Известно только, что г-н Пуришкевич хвастался, что по его сигналу 205 отделов Союза русского народа обратились с телеграммами о недопустимости льгот евреям и что эта масса телеграмм произвела очень сильное впечатление. Но известно также, что в это

* Законопроект, отменявший значительное количество ограничений для евреев, был разработан и одобрен Советом министров осенью 1906 г., но не утвержден Николаем II.

время г-н Пуришкевич был в некотором роде подручным товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского, ведавшего еврейскими делами.

Проводя реформы, П. А. Столыпин продолжал бороться с «революцией», пуская в ход не только весь огромный арсенал старых репрессивных мер,

но и вооружая власть новыми средствами: при помощи ст. 87 Основных законов были изданы указы об усилении уголовной ответственности военнослужащих за государственные преступления, о наложении на преступников предупредительных связей, о наказаниях за восхваление преступлений...

Глава IV

Вторая дума и Второе междудумье

«Укажите мне жало кадетской партии, и я вырву его без остатка», — говорил П. А. Столыпин А. И. Гучкову перед началом избирательной кампании. Под этим лозунгом и была проведена вся кампания. «Кадеты — вот самый серьезный враг» — эту максимум государственного управления официальная печать ежедневно твердила провинциальной администрации, а та действовала соответственно приказу из столицы. При помощи сенатских разъяснений избиратели из крестьянской и рабочей курии лишены были, вопреки закону, права участвовать в выборах на общем положении. В декабре появилась и была распубликована Сенатом явно незаконная инструкция, которая, вопреки прежней инструкции и закону, устанавливала обязательность казенных бланков с казенной печатью, выдаваемых только «легализованным партиям». Смысл отказа в легализации Партии народной свободы делался ясным для всех. Выборы тогда везде были косвенные. В городах приходилось выбирать десятки выборщиков. Партия, вынужденная заполнять эти выборные бюллетени от руки, естественно, не могла выдержать конкуренции с партией, получившей заблаговременно из городских и земских управ тысячи бланков для заполнения их печатным способом. На этом нехитром приеме октябристы и строили свои надежды на победу...

Характерно все-таки, что представитель крайних правых В. Пуришкевич не разделял октябристских иллюзий. Лучше зная настроение провинции, он допускал возможность победы кадетов и при выборах во II Думу. На съезде объединенного дворянства он откровенно объяснял вытекающие из этого опасности. Кадеты, говорил он, после выборгской неудачи сделались осторожными, они не допустят до роспуска Думы, и конституционализм в русской жизни начнет

укореняться. Поэтому Пуришкевич от имени 205 отделов Союза русского народа предлагал на выборах, в случае невозможности провести правого кандидата, всячески содействовать успеху левой революционной кандидатуры против кадетов. Левые, утверждал Пуришкевич, несомненно, сорвутся и доведут Думу до роспуска, а после вторичного роспуска изменение избирательного закона, на что П. А. Столыпин пока не соглашался, станет неизбежным. Есть основания думать, что пуришкевичских взглядов держались многие администраторы, что были даже откровенные инструкции: лучше левый, чем кадет. Особенные усилия были направлены на то, чтобы не допустить в Думу немногих кадетских «лидеров», уцелевших еще после Выборгского дела, лишившего избирательных прав почти весь кадетский штаб. Чрезвычайно характерны, например, были старания, увенчавшиеся успехом, не допустить в Государственную думу П. Н. Милюкова. Тут действовали, несомненно, и личные антипатии, и опасения...

На выборах П. А. Столыпин одержал своеобразную победу. Кадеты вошли в Думу хотя и преобладающей по числу фракцией, но, сравнительно с численностью их в I Думе, значительно ослабленной. Со всеми примыкающими они насчитывали не более 100 депутатов (в I Думе — 187), а слева против них воздвигалась громада почти в 200 человек трудовиков, социалистов-революционеров и социал-демократов. Октябристов была незначительная кучка. Правые образовали сильное крыло в 63 депутата, поставивших своей целью всячески мешать думской работе и дискредитировать Думу постоянными скандалами. Мусульманская группа поддерживала кадетов, а польская стояла обособленно и рассчитывала играть роль стрелки весов, своим колебанием да-

ющей перевес той или другой стороне. С первого же дня открытия Думы сделалось ясно, что кадеты, составлявшие центр, были в то же время пленниками крайней левой. Социалистическая Дума — такова была плата за безоглядную борьбу с кадетами.

С первого же дня сделалось ясно, что II Дума обречена на смерть. Кадеты делали чрезвычайные попытки спасти Думу и ради этого допускали иногда даже нежелательные компромиссы, главное бесцельные и потому совершенно лишние. Левые были неорганизованны, не знали, в сущности, что им делать. В существенном они все же подчинялись кадетскому центру, но делали все возможное, чтобы дискредитировать его, набросать ему как можно больше палок в колеса и на нем сорвать злобу своего бессилия. Это было ужасное зрелище гниения народного представительства. И теперь еще иногда говорят, что II Думу можно было спасти, оторвав крестьян от левых и прочно присоединив их к центру. Говорят, что крестьяне тяготились опекой революционеров, боялись роспуска и, при малейшем намеке на серьезную работу в аграрном вопросе, пошли бы рука об руку с кадетским центром. Но если и допустить, что крестьяне-трудовики избавились бы от «гегемонии» социалистических партий, все же сомнительно, чтобы при тогдашнем «соотношении сил» возможна была какая-либо серьезная работа вместе с правительством на почве кадетского земельного проекта. Положение было безнадежнее, чем думали...

П. А. Столыпин часто выступал в Думе, и его выступления имели довольно триумфальный, хотя и несколько странный характер. Он произносил очень либеральные речи. Изложенная им программа реформ в Декларации 6 марта обнимала, действительно, чуть ли не все стороны русской жизни и представляла, так сказать, квинтэссенцию всех «внутренних обозрений» «Вестника Европы» за то время, когда русский либерализм мог говорить о реформах, избегая слова «конституция». П. А. Столыпин, как и раньше Витте, тоже избегал этого слова. Он произносил его только в беседах с иностранными корреспондентами, а «Готский альманах» определил наш государственный строй как «конституционную монархию при самодержавном царе». Но П. А. Столыпин открыто говорил о «происшедшем в октябре 1905 г. коренном изменении в нашем государственном устройстве». «Преобразованное по воле

Трудовики — представители политической организации «Трудовая группа», существовавшей в 1906—1917 гг. Включала депутатов I Государственной думы из крестьян и интеллигенции, преимущественно беспартийных. Пользовалась большим влиянием в Думе и широкой популярностью в народе. Выступала за передачу земли крестьянам и введение всеобщего избирательного права с прямым и тайным голосованием. После роспуска I Думы организовалась как политическая партия.

Партия социалистов-революционеров (ПСР, партия с.-р., эсеры) — самая влиятельная немарксистская социалистическая партия в Российской империи, оформившаяся в 1897 г. и просуществовавшая до начала 1923 г. Эсеры придерживались позиции перехода к социализму мирным, реформистским путем. Однако уже в 1902 г. Боевая организация эсеров осуществила террористический акт против министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Одним из руководителей БО был Е. Азеф.

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП, социал-демократы, эсеки) была основана в марте 1898 г. В 1903 г. раскололась на две фракции — меньшевиков и большевиков. Большевики (РСДРП(б) — В. И. Ленин) ориентировались на рабочих, приближающуюся революцию и «гегемонию пролетариата». Меньшевики (РСДРП — Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, Н. С. Чхеидзе) отвергали идею пролетарской диктатуры и в основном ориентировались на либеральную буржуазию.

Монарха отечество наше, — сказал он, — должно превратиться в государство правовое». Взгляд его на рабочее движение отличался известной широтой. «Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, — говорилось в декларации, — реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности». Оправдываясь в применении военно-полевых судов, он заявил: «Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу». Он прозрачно намекал, что стране грозила «диктатура», если бы он не ре-

Депутаты Всероссийского дворянского съезда.

Санкт-Петербург. 1906 г.

22 мая 1906 г. на открывшемся в Петербурге I Всероссийском дворянском съезде был создан Постоянный совет Объединенных дворянских обществ России (ПСОДОР) и принят его устав. Организация стояла на позициях неизблемости самодержавия и помещичьего землевладения, предпринимала меры, чтобы склонить правительство к более активной борьбе с революционным движением, на усилении цензуры.

шился на чрезвычайные меры. П. А. Столыпин признавал, что исключительные меры, если становятся длительными, теряют силу и могут отразиться на самом народе, «нравы которого должны воспитываться законом». «Мнения, несогласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу», — говорил он по поводу разногласий в столь остром вопросе, как аграрный, в то время как в провинции каждое упоминание о возможности, например, «принудительного отчуждения» почиталось именно «за крамолу» и жестоко каралось. На фоне этого либерализма, всегда тщательно отмечавшегося в заграничной печати, приобрели большую силу и его знаменитые слова по адресу крайних левых: «Не запугаете!» Председатель Совета министров говорил в Государственной думе, что «правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам

понятен», а министерская печать в то же время изо дня в день поносила Думу, как скопище преступников, травила Партию народной свободы, делавшую всевозможные усилия для образования прочного работоспособного конституционного центра. Депутаты крайней правой, про которых было известно, что они получают казенные субсидии, аплодировали либеральным речам премьера и ставили своею специальной целью дискредитирование Думы, для того чтобы «сорвать ее». Впоследствии, уже при III Думе, один из руководителей этой кампании, г-н Крупенский, откровенно сознался, что он и его товарищи «срывали II Думу». А когда Дума, возмущенная непрекращающимися скандалами членов крайней правой, постановила удалить на время некоторых из них, то начальник охраны Таврического дворца барон Остен-Сакен, получавший приказы из министерства, открыто заявил, что не считает для себя обязательными распоряжения предсе-

дателя Думы. Между Думой и исполнительной властью началась мелкая и мелочная война, имевшая целью исключительно подрыв думского авторитета. П. А. Столыпин прислал председателю Думы запрос: на каком основании думские комиссии приглашают на свои заседания посторонних лиц (на обсуждение продовольственного дела был приглашен председатель общеземской организации князь Львов)? На этот запрос председатель Думы с большим достоинством ответил, что «в учреждении Государственной думы есть ст. 33, которая дает Государственной думе право обращаться к министрам с запросами по поводу их незаконных действий, но нет статьи, которая давала бы право министрам делать запрос Государственной думе или ее председателю». Тогда П. А. Столыпин отдал заведующему охраной Таврического дворца приказ не допускать в стены последнего никаких вообще посторонних лиц. Охрана так поусердствовала, что не пропустила во дворец даже заведующего думской канцелярией Астрова. Затем П. А. Столыпин разослал во все общественные учреждения циркуляры о строгом запрещении давать какие-либо ответы на запросы, исходящие непосредственно из Государственной думы и ее комиссий.

В Думе шли бесконечные разговоры о земле, о терроре, об убийствах справа и слева... Затопляемая потоком речей, Дума ничего не могла делать. «Дума гниет на корню», — торжествовали правые, и, казалось, так оно и было. П. А. Столыпин вел двойственную политику. С одной стороны, он поддерживал Думу, с другой — дискредитировал ее при помощи официальной печати. Есть основания думать, что он защищал Думу и в высших сферах, но в то же время он приказал С. Е. Крыжановскому подготовить заблаговременно проект нового избирательного закона, который был даже рассмотрен в Совете министров. Но вдруг «гниющая» Дума начала проявлять признаки выздоровления. Кадетам, после долгих усилий, удалось поставить на очередь вопрос о местном суде и подвергнуть его деловому обсуждению. В комиссиях энергично готовились проекты волостного земства. Даже в аграрной комиссии отвергнута была идея земельного фонда, на которую опирались сторонники национализации и социализации земли, а среди крестьян трудовой группы шло усиленное брожение против лидеров, и крестьяне то прямо переходили во фракцию «народной свободы», то мечтали об орга-

Павел Николаевич Крупенский (1863—1927) — общественный деятель, один из ведущих деятелей православно-монархического движения. Служил в армии, в 34 года вышел в отставку в чине полковника и занялся общественной деятельностью. В 1905 г. организовал Бессарабскую партию центра, занявшую политические позиции правее октябристов.

Депутат II—IV Государственных дум. Во II Думе принадлежал к партии умеренных, в III — сперва к умеренно правым, потом — к националистам. В IV Думе — лидер фракции центра. Один из организаторов и руководителей Всероссийского национального клуба (1909), призванного объединить политических деятелей от октябристов до крайне правых на платформе русской национальной идеи. Выступал по национальным вопросам в духе крайнего национализма, отстаивая меры против евреев, поляков и других инородцев. В 1910 г. в качестве председателя комиссии по финляндскому законопроекту содействовал сравнительно быстрому проведению закона, ограничившего права Финляндского сейма. В 1910—1911 гг. входил в совет Всероссийского национального союза. После парламентского кризиса 1911 г. вышел из фракции националистов и организовал фракцию независимых националистов. Один из организаторов Прогрессивного блока. После октября 1917 г. в эмиграции.

низации своей крестьянской группы. Возникла опасность, что Дума выживет, и реакционеры заторопились. Это совпало со слухами о заговоре и с делом о конспирации, якобы затеянной социал-демократической фракцией Думы, насчитывавшей свыше полусотни депутатов. Дела эти до сих пор остаются еще не выясненными, но уже указаны те провокаторы, вроде г-на Бродского, которые принимали близкое участие в организации «заговора» социал-демократической фракции и приводили в нее мнимых солдат с мнимыми военными наказаниями, просмотренными предварительно в охране*.

Как рассказывал после роспуска Думы один бывший министр, «правительству (т. е. Столы-

* «Заговор» действительно был. Полиция обнаружила доказательство того, что члены РСДРП ведут революционную агитацию в войсках с целью поднятия восстания и свержения правительства.

Политическая карикатура по басне И. А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак».

1906 г.

пину) было поставлено* на вид покровительство Думы революционерам. На возражение, что нет фактов для обвинения Думы в этом, было заявлено: пусть Дума сама отграничит себя от революционеров, выдав членов скомпрометированной социал-демократической фракции». Премьеру предложили произвести «экзамен Думы». Так как отказ от производства такого экзамена был равносителен отставке, то П. А. Столыпин принял на себя роль экзаменатора и потребовал у Думы выдачи 55 депутатов. Дума постановила передать вопрос в «Комиссию двадцати двух».

П. А. Столыпин понимал, что иначе Дума поступить не могла, но реакционеры подняли крик, что Дума покрывает революционеров, делает оттяжки, чтобы заговорщики могли убежать. В пятницу было предъявлено требование о выдаче, а в субботу уже влиятельные реакционеры начали распускать слухи, что все социал-демократы бежали, что многие из них отправились на места поднимать бунт. На этом пытались свергнуть П. А. Столыпина. И хотя толки о поголовном

бегстве социал-демократов были ложью (бежало только несколько человек), но П. А. Столыпин увидел нависшую и над ним опасность. Так как Дума хотела отложить ответ до понедельника**, то в ночь на воскресенье она была распущена и опубликован новый избирательный закон. Уже одно опубликование акта, на составление которого требовалось большое время, доказывало, что «заговор» был лишь предлогом...

На этот раз произошел явный, неоспоримый *coup d'état****.

Вопреки ст. 86, 87 и 92 Основных законов, был изменен избирательный закон. По новому закону преобладающая роль в губернских избирательных собраниях переходила к выборщикам от землевладельцев, которые получали возможность избирать депутатов даже от крестьянской и рабочей курий. Целый ряд окраинных губерний был совершенно лишен представительства. В царстве Польском, на Кавказе и в западных губерниях представительство было значительно сокращено и искажено введением национальных курий, устраиваемых

* Видимо, речь идет о том, что «на вид правительству и Столыпину» было поставлено либо Государственным советом, либо Николаем II.

** До 4 июля, поскольку «Комиссия 22» не успела изучить все материалы и подготовить отчет.

*** Государственный переворот (*фр.*).

В ноябре 1905 г. председателем Главного совета Союза русского народа был избран А. И. Дубровин (1855—1921). Этот популярный детский врач, составивший себе состояние медицинской практикой и выслуживший чин статского советника, был среди основателей Союза русского народа и придерживался крайне правых взглядов. По-видимому, с его ведома были убиты депутаты Думы М. Я. Герценштейн и Г. Б. Иоллос, организовано покушение на экс-премьера С. Ю. Витте. В 1909 г. в этой связи Дубровин «скрывался» от следствия в Ялте под покровительством градоначальника генерала И. А. Думбадзе. После помилования Николаем II участников покушения вернулся в Петербург. После раскола Союза русского народа создал в 1912 г. Всероссийский дубровинский союз русского народа. После Февральской революции был арестован и допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Освободившись, занимался врачебной практикой. Был расстрелян большевиками в 1921 г.

по усмотрению губернаторов. В городах специально для октябристов была образована первая курия. Единственное принципиальное улучшение, допущенное Актом 3 июня, состояло в установлении в пяти крупнейших городах прямых выборов. Обеспечив искусственными мерами явное преобладание в Государственной думе депутатов из дворян-помещиков, составители Акта 3 июня, видимо, решились вторые курии крупнейших пяти городов отдать демократии. Да и тут, весьма возможно, П. А. Столыпин надеялся, что крайние левые помогут ему совершенно избавиться от кадетов.

После роспуска II Государственной думы председатель Союза русского народа д-р А. И. Дубровин удостоился получить на свою всеподданнейшую телеграмму телеграфный ответ, в котором было сказано: «Уверен, что теперь все истинно верные и русские, беззаветно любящие свое Отечество сыны сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут Мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта великого ее народа. Да будет же Мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка».

Собравшийся в Москве так называемый земский съезд или, точнее, съезд правых земцев-

дворян, нашел программу кабинета П. А. Столыпина, выработанные им проекты земской и административной реформ чрезвычайно опасными и вредными. Таким образом, П. А. Столыпин, постепенно, в сущности, выполнивший все четыре требования, поставленные ему Советом объединенного дворянства еще перед роспуском I Думы, все же увидел, что опираться на эту организацию ему нельзя. Единственной опорой оставались октябристы, вождь которых А. И. Гучков от имени партии поспешил признать Акт 3 июня «прискорбной необходимостью». Но октябристов, как не без ехидства говорил Пуришкевич, «в природе не существовало». Приходилось их создавать. В преследовании кадетов, которым было окончательно отказано в легализации*, и в искусственном создании октябристов и прошли пять месяцев Второго междудумья.

29 января 1907 г. было организовано покушение на С. Ю. Витте: в дымовые трубы его особняка подложили две бомбы. Однако бомбы не сработали, и через четыре месяца покушение повторилось, но опять неудачно. Главным организатором этих покушений стал А. Казанцев. Причиной покушения на Витте со стороны Союза русского народа было то, что он подготовил и склонил Николая II принять Манифест 17 октября 1905 г.

Отношения с Союзом русского народа у П. А. Столыпина начали портиться еще в конце 1906-го и в начале 1907 г. Убийство Герценштейна и Иоллоса**, покушение на Витте, ряд задуманных покушений на видных оппозиционных лидеров, постоянные бесчинства в Одессе, Киве и других центрах союзнического засилья все эти факты, вызывавшие много шума и в России и за границей, делали открытую дружбу с Союзом русского народа неудобной для правительства.

* Несмотря на то что кадеты так и не смогли добиться официальной регистрации своей партии, оставаясь таким образом по сути нелегальной партией, как эсеры и большевики, фактически они совершенно открыто и беспрепятственно вели политическую деятельность вплоть до падения монархии.

** 14 марта 1907 г. был убит редактор московской газеты «Русские ведомости» и друг Герценштейна кадет Григорий Борисович Иоллос. Организатором его убийства стал все тот же А. Казанцев.

Николай Евгеньевич Марков
(1866—1945)

Депутат III и IV Государственных дум от Курской губернии, член правой фракции. Один из учредителей так называемой Курской народной партии порядка, которая впоследствии вошла в Союз русского народа.

В 1905—1917 гг. издавал газету «Русское знамя».

С 1910 г. — председатель главного совета Союза Русского Народа. В 1919—1920 гг. находился в армии Н. Н. Юденича. В эмиграции редактировал журнал «Двуглавый орел» (1920—1921). В 1935 г. вступил в русскую секцию нацистской «Мировой службы» (так называемого антисемитского интернационала).

Поборник «окончательного решения еврейского вопроса» и сторонник войны с СССР.

В выпущенной в 1910 г. Союзом русского народа книге «Куда временщики ведут Союз русского народа», направленной против П. А. Столыпина, об этих отношениях говорится следующее: «Начало деятельности Союза было с благодарностью встречено честолюбцами, изнывавшими под ударами аладыных*, руководимых милюковыми. Союз разогнал социал-революционный сброд и принялся за руководителей их — кадетов, не различая, однако, от них даже и сановных честолюбцев. (Явный намек на убийства Герценштейна и Иоллоса, покушения на Витте, Милюкова. — А. Изгоев) Последнее обстоятельство поселило против Союза раздражение, но для

* Алексей Федорович Аладын (1873—1927) — депутат I Государственной думы, лидер трудовиков.

борьбы с кадетами Союз был еще нужен, и, скрепя сердце, сношения с ним честолюбцы поддерживали. Начало 1907 г., вследствие начавшегося заигрывания с кадетами, поселило уже сильное охлаждение, так как Союз не хотел умерить свой натиск на кадетов. Ко времени разгона II Думы его уже с трудом, но все-таки еще терпели.

По объявлении Реформы 3 июня 1907 г., к удивлению своему, Союз узнал, что бюрократы-честолюбцы далеко не желают возвращения к прежнему государственному строю». Вот тогда, по мнению Союза, Восторгову**, Пуришкевичу и др. был дан приказ низложить Дубровина и преобразовать Союз в более культурное учреждение. Но когда Восторгову миссия эта не удалась, «дан был толчок к удалению Дубровина при помощи дела Герценштейна». Восторгов же получил другую миссию. Он сделан был выборным агитатором и с набитыми карманами послан в Восточную Россию убеждать союзников подавать на выборах в III Думу голоса за октябристов.

Так началась кампания сановных интриганов против П. А. Столыпина, который все же не решался «возвратиться к прежнему государственному строю» и продолжал утверждать, что «о восстановлении абсолютизма не может быть и речи» (слова, сказанные им П. Б. Струве). Союз русского народа в руках этих серьезных реакционеров был только орудием, которое П. А. Столыпин хотел у них выбить сначала при помощи Восторгова, Пуришкевича и других, а затем при содействии Маркова 2-го и «обновленного Совета». Во время III Думы эти главные реакционеры, которым П. А. Столыпин, во-первых, загораживал дорогу, во-вторых, несмотря на все свои уступки, все же казался «конституционалистом», нашли в Государственном совете более тонкое орудие борьбы, чем дубровинская разлезшаяся организация.

О реформаторской деятельности, подобной той, которую П. А. Столыпин на основании ст. 87 Основных законов развил во время Первого междудумья, во время Второго междудумья не поднималось и речи. За это время изданы

** Иван Иванович Восторгов (Иоанн Восторгов; 1864—1918) — священник Русской православной церкви, протоиерей, проповедник, церковный писатель. Активный деятель монархического и черносотенного движения до 1913 г., когда последовал запрет Синода на политическую деятельность священнослужителей. В 2000 г. причислен к лику святых Русской православной церкви.

были лишь закон об ускорении процесса в военно-окружных судах (чем предполагалось до некоторой степени возместить отмену военно-полевых судов) и Правила 11 июня о студенческих собраниях. Тогда Правила эти признавались шагом назад, и нужно было пережить времена

Шварца и Кассо, для того чтобы академическая среда оценила и положительные стороны Правил, составленных Кауфманом и Герасимовым, принесенными вскоре в жертву усиливавшейся реакции.

Глава V

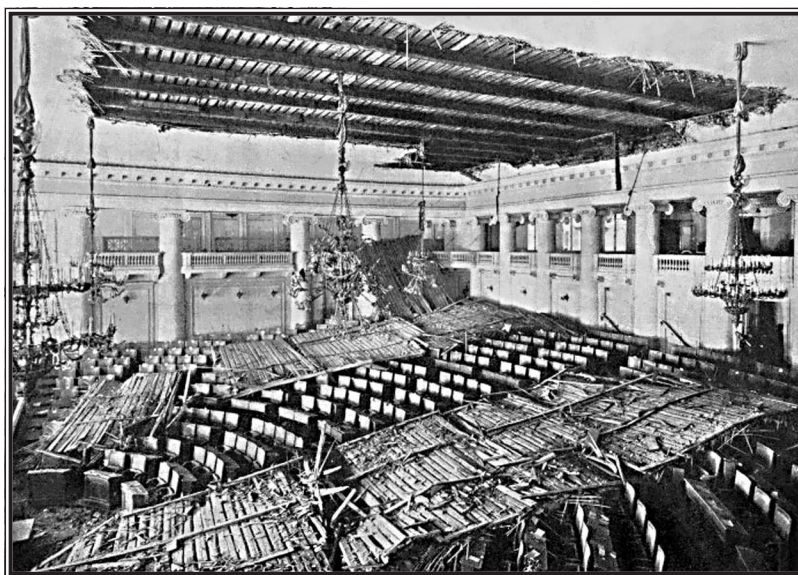
Третья дума

После ожесточенной избирательной кампании П. А. Столыпин получил наконец «свою», III Думу. Преследования кадетов дали результаты. Целесообразными оказались и огромные субсидии, выданные Восторгову и Пуришкевичу с целью побудить правые организации голосовать за октябристов. Непримиримой осталась только небольшая кучка дубровинцев, значительно уже дискредитированная процессом об убийстве Герценштейна. Руководящей партией в Думе явились октябристы. Их вождь А. И. Гучков стал самым влиятельным из общественных деятелей. Вместе с П. А. Столыпиным А. И. Гучков принял за «обновление» России. А. И. Гучков явно стремился к союзу с правыми, но прежде всего ему надо было продемонстрировать перед страной новый строй. Это и было сделано во время прений об ответе на тронную речь, когда октябристы, найдя на этот раз поддержку у кадетов, исключили из текста слово «самодержавный», желая подчеркнуть конституционный характер своего адреса. Попытка эта едва не закончилась катастрофой. Правые взбунтовались, подали свой отдельный адрес, добились аудиенции. Придворные сановники, интриговавшие и без того против П. А. Столыпина, винили его в «дерзости» Думы. Вот что писал д-р А. И. Дубровин в книге, которую мы уже цитировали, об этом моменте: «На выборах прошли октябристы, которые, переусердствовав, сразу же и выдали честолюбцев, 13 ноября 1907 г., когда объявили в Государственной думе Государя лишенным самодержавной власти. На другой день А. И. Дубровин получил горький упрек в неумении Союза русского народа отстоять самодержавие, и это вызвало с его стороны помещение громовой передовой статьи о руководстве в подборе в Государственную думу врагов самодержавия сановными честолюбцами, стремящимися учредить олигархию и с этой це-

лью проводящими октябристов путем давления на чиновников, обмана и подкупов. Статья попала не в бровь, а прямо в глаз, и потому-то она была оштрафована на 3000 руб.».

Эта история побудила П. А. Столыпина поспешить с декларацией. В речи, дополнявшей ее, он с большой эмфазой говорил об исторической самодержавной власти и развивал своеобразную теорию перманентного государственного переворота. Речь эта должна была выбить из рук его правых врагов их отравленное оружие. Обычный метод П. А. Столыпина братья самому за то, что обещают сделать его правые противники, был применен и здесь — и не без успеха.

16 ноября 1907 г. П. А. Столыпин выступил с декларацией перед Третьей, благонамеренной, Думой. Как поучительно сравнить эту декларацию с той, которая была прочитана всего восемью месяцами раньше, 6 марта того же года, перед Второй думой с социалистическим большинством! Какая огромная разница и в тоне и в содержании! Второй, «революционной», Думе говорили о «совместной деятельности» правительства с народным представительством; Третьей, октябристской, Думе говорят уже «о совместной работе вашей с правительством». В первой декларации была высказана «твердость», во второй — к «твердости» присоединились и угрозы по адресу чиновников, педагогов и судей. Последним прямо было указано на возможность отмены судейской несменяемости. И в этой декларации перечислялось много реформ, но все они были заключены в очень оригинальную рамку. Правительство, по словам декларации, не отказывается от «расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения», от установления неприкосновенности личности и т. д., но оно ставит проведение всех этих реформ в зависимость от того, примет

Зал заседаний Государственной думы после обвала потолка.

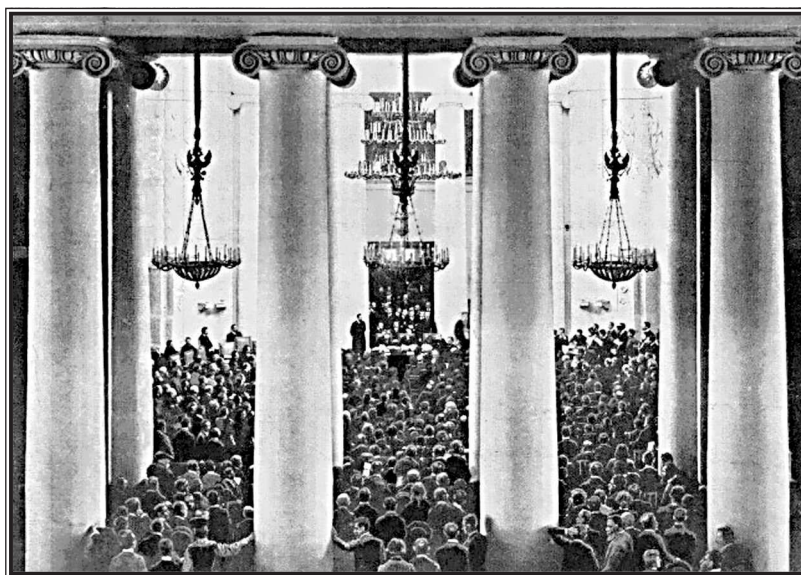
Фотография К. Буллы. 2 марта 1907 г.

или отвергнет Государственная дума правительственные земельные законы, изданные на основании ст. 87. Правительство согласно допустить в эти законы «усовершенствования, быть может поправки», но «в конечном результате твердо надеется на придание им упроченной силы путем законодательного утверждения». Если Государственная дума исполнит волю правительства, тогда декларация согласна предоставить народному представительству «строить необходимые для страны преобразования». Вот эта своеобразная черта и является совершенно новой во второй декларации. Перед ней бледнеют все остальные многочисленные различия.

Само собою разумеется, что во второй декларации нет ни признания «естественности рабочего движения», ни слов о профессиональных союзах, ненаказуемости экономических стачек, об ограничении труда подростков, женщин и взрослых рабочих. Во второй декларации не говорится уже и о «школьной реформе на всех ступенях образования на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы». Определенные заявления первой декларации, что самоуправление на общих основаниях предполагается ввести в Прибалтийском и Западном краях и в царстве Польском, сменились туманными обещаниями внести «проекты самоуправления на некоторых окраинах». Во второй декларации нет ни слова

ни о Манифесте 17 октября, ни о «происшедшем в октябре 1905 г. коренном изменении нашего государственного устройства». В обширной декларации перед II Думой ни разу не упоминалось слово «самодержавие»; в декларации 16 ноября весь конец, равно как и вся последующая речь, посвящены апологии самодержавной власти, которая одна «призвана в минуты потрясений и опасности для государства к спасению России на путь порядка и исторической правды». В своей речи, определив существующий в России государственный строй как «строй представительный, дарованный самодержавным монархом и, следовательно, обязательный для всех его верноподданных», П. А. Столыпин, прямо указав на Акт 3 июня, воскликнул: «Не мне, конечно, защищать право Государя спасать в минуту опасности вверенную ему Богом державу».

Несмотря на видимую категоричность всех этих положений, они не разъяснили ни одной неясности. Где пределы «спасения»? Если можно «спасать» страну изменением избирательного закона, почему нельзя «спасать» ее, например, утверждением закона, принятого Государственным советом, но отвергнутого Государственной думой, что также резко противоречит Основным законам? Всякий абсолютизм склонен видеть в противоречии его планам опасность, грозящую гибелью стране (вскоре П. А. Столыпин увидел

Временное заседание Государственной думы (после обвала потолка)
в вестибюле Таврического дворца.

Фотография К. Буллы. 2 марта 1907 г.

такую опасность в отвержении закона о западном земстве), склонен считать, что в проведении его именно планов и заключается «спасание» страны. При таких условиях исчезает всякая основа твердого порядка, колеблется почва под закономерностью строя. Сегодня существуют такие-то законы, завтра они отменяются в экстраординарном порядке или вводятся новые, ввиду того что это требовалось «спасанием» страны.

После принятия закона о военно-полевых судах были введены казни отдельных участников революционных действий — бунтовщиков, террористов, поджигателей помещичьих усадеб. Казни приводились в исполнение через повешение. С 1906 по 1911 г. казнено было (по разным данным) от 700 до 6000 человек, а к каторжным работам приговорено около 65 тысяч. Применение военно-полевых судов связывалось непосредственно с политикой Столыпина (появились термины «скорострельная юстиция» и «стольпинская реакция»). На заседании III Думы 17 ноября 1907 г. кадет Ф. И. Родичев назвал виселицу «*стольпинским галстуком*». П. А. Столыпин немедленно удалился из зала заседания и послал вызов. Родичев принес извинения, и Столыпин их принял.

П. А. Столыпин развил теорию абсолютизма, соглашающегося терпеть около себя представительные учреждения, если они готовы во всем подчиниться ему. С этой точки зрения становится понятной и та новая черта, которая появилась в декларации, прочитанной 16 ноября. Третья дума призвана одобрить земельные мероприятия правительства. Когда она это сделает, ей будет дана возможность одобрить предложения правительства о местной реформе. Один из правых депутатов-«простецов», вечно веселый, хотя и малограмотный Сушков, на заседании 13 ноября, еще до Столыпина, развил по-простецки эту мысль, изложенную председателем Совета министров в ученой и поэтической форме («русский цветок»). «Толкуем бесплодно,— заявил г-н Сушков.— Говорят, в Высочайшем повелении 17 октября сказано, что ни один закон не имеет силы без одобрения. Да одобряйте. Ведь там не сказано *утверждайте*, а только *одобряйте*. Ну и одобряйте!» (*Бурные рукоплескания правых. Смех в центре и слева.*) С тех же самых скамей «бурно рукоплескали» и П. А. Столыпину. Только часть центра, не удостоившая аплодисментами веселого курского ремесленника, не сочла возможным отказать в них премьеру.

Отходом, полным отходом П. А. Столыпина с «конституционной позиции» были улажены

*«Запросы Думы, конечно,
касаются только таких
явлений, которые могут
вызвать нарекания
в обществе.
Отвечая на них, я не скрывал
неправильных действий
должностных лиц, но мне
кажется, что отсюда нельзя
и не следует делать выводов
о том, что большинство
моих подчиненных
не следуют велениям долга.
Это в большинстве люди,
свято исполняющие
свой долг, любящие
свою родину
и умирающие на посту.
С октября месяца
до 20 апреля
их было убито 288,
а ранено 383;
кроме того, было
156 неудачных
покушений».*

П. А. Столыпин
8 июня 1906 г.

возникшие трения. Октябристы получили приказ не касаться более «общих» вопросов, а перейти к «деловым» темам. Речь Родичева и вызванный его словами о «стольпинском галстуке» грандиозный скандал снова сплотили правооктябристский блок и придали некоторый ореол поведению П. А. Столыпина, которого приветствовала часть оппозиции и который добился извинения со стороны Родичева. Тем временем предприняты были шаги, для того чтобы окон-

чительно расколоть компактную группу правых депутатов, которая могла стать опасной. Задачу эту удовлетворительно выполнили г-да Крупенский и В. А. Бобринский, ставшие с тех пор «политическими наперсниками» покойного премьера. Образовалась довольно сильная группа «умеренно правых», из которых впоследствии развились «националисты». Группа эта признавала «законодательные представительные учреждения» и, являясь союзницей октябристов, давала надежду на образование более или менее прочного правооктябристского центра. Кадетство было признано наилучшим цементом для этого большинства, и потому, как только показывалась в нем какая-либо трещина, немедленно ставился на очередь какой-нибудь демонстративный вопрос о борьбе с революцией, инородцами, кадетами, и чувство общей ненависти помогало заштопать образовавшуюся прореху.

Во время этих политических комбинаций П. А. Столыпин подготовлял и в Государственной думе, и в Государственном совете большинство для проведения своей аграрной реформы. Первые два-три года III Думы главным образом и окрашивались этой реформой, вызвавшей страстные нападки как справа, так и слева. Для нас несомненно, что из всех стольпинских дел проведенная им земельная реформа — самое важное и самое значительное. Земельная реформа 9 ноября есть, в сущности, социальная революция. Эта реформа — тот итог, который жизнь подвела русской революции в ее самой острой социальной форме крестьянского движения.

Как мы видели раньше, требование о введении в деревне частной собственности на землю предъявлено было П. А. Столыпину объединенным дворянством. Один из вождей этой организации, курский помещик Доррер, в разгар аграрного движения первый подал мысль о вооружении в деревнях богатых мужиков для совместных выступлений с помещиками против бедных погромщиков. Не везде эта мысль получила применение на практике, так как во многих местах богатые мужики, наоборот, сочувствовали разгрому помещичьих имений, что облегчало им их скупку. Но мысль была подхвачена, и один из ставленников объединенного дворянства, г-н Гурко, принялся за разработку закона о разрушении общины. Этот законопроект и лег в основу Указа 9 ноября, проведенного П. А. Столыпиным.

Обмолот зерна цепями.

Фотография. 1900-е гг.

Соблазнительна поэтому мысль легко покончить с аграрной программой П. А. Столыпина: как во всех пунктах он постепенно выполнил программу Совета объединенного дворянства, предъявленную ему перед роспуском I Думы, так действовал он якобы и тут. Но такое решение было бы и субъективно и объективно неверным. Субъективно — потому, что еще задолго до революции, тогда, когда община пользовалась полным доверием правящих сфер, когда издавались указы, ее закреплявшие, П. А. Столыпин был уже противником общинного владения и сторонником хуторского расселения. Знакомство с польским землевладением в Западном крае могло, конечно, только укрепить его в мысли о преимуществах единоличного сплошного владения над общинным и чересполосным. Идея эта к тому же являлась как бы родовым наследием Столыпиных, один из которых, дядя покойного премьера, позитивист Д. А. Столыпин, был фанатиком идеи разрушения общины, в чем он видел

условие спасения России от грозившей ей гибели. Как мы могли видеть по трудам Гродненского комитета о нуждах сельского хозяйства, уже председательствуя в нем, П. А. Столыпин держался тех же взглядов, которые положены были им пять лет спустя в основу Указа 9 ноября.

Но и объективно в Указе 9 ноября нельзя видеть просто исполнения требований реакционного дворянства. Да, часть дворянства требовала из своекорыстных и классовых побуждений скорейшего разрушения общины. Но большинство реакционеров, и притом наиболее умные и проницательные, высказывались и высказываются против этой реформы, так как смутно чувствуют и чувствовали, что, спасая принцип личной земельной собственности, реформа эта наносит тяжкий удар сословному дворянскому землевладению, не говоря уже о неизбежно вытекающей из нее отмене сословных политических привилегий дворянства. Крайние правые, видящие в проведенной П. А. Столыпиным зе-

мельной реформе коренной переворот, вынимающий фундамент из-под древнего российского политического строя, конечно, ближе к истине, чем дворяне, требовавшие этой реформы в надежде, что меч, брошенный в ряды крестьянства, охранит их от погромов. Нельзя же забывать, что до 1906 года свободы выхода из общины с землей требовали сельскохозяйственные комитеты, и притом наиболее прогрессивные из них. Тогда связь между общинным землевладением и архаическими формами нашего государственного строя сознавалась вполне отчетливо; это сознание замутилось под влиянием сильного аграрного движения.

Но именно в области аграрного законодательства и сказалась сильнее всего та двойственность, которая проникает всю политику П. А. Столыпина. В области земельного законодательства П. А. Столыпин явился революционером, но он не мог или не хотел сделать все те выводы, к которым в политической области обязывала его проводимая им земельная реформа.

Когда П. А. Столыпин говорил в Думе, что «для переустройства нашего царства нужен крепкий личный собственник», он, по моему мнению, высказывал правильную государственную мысль. Государство должно иметь прочный социальный фундамент. После отмены крепостного права тесно связанное с ним крупное дворянское землевладение утратило значение такого базиса. Крестьянское общинное землевладение являлось одновременно и реакционным и анархическим элементом и, как окончательно доказало движение 1905 г., было неспособно к настоящему прогрессу.

Создание мелкого личного собственника являлось основной государственной потребностью, и, какая бы партия ни очутилась у власти, она логикой вещей, быть может, после тяжелых кровавых испытаний, после попыток осуществления утопических программ, была бы все равно подведена к этой исторической задаче. Но П. А. Столыпин обнаруживал или бессилие, или непонимание, когда допускал, что крепкий

Уборка сена косилкой.
Фотография. 1900-е гг.

личный собственник-крестьянин может процветать в бесправной и бессудной стране, в которой господствует не закон, а произвол. Ведь личная собственность на землю — это в полном смысле слова «иноземный цветок», и он может правильно развиваться только при наличии другого иноземного же цветка, который зовется законностью, правовым порядком, конституцией. Но, вынужденный обороняться от нападений реакционных бюрократов, П. А. Столыпин публично отрекся от «конституции» и этому «иноземному цветку» предпочел какой-то свой, родной, сущности которого не мог точно определить, но который очень и очень походил на старинный произвол. К несчастью, дело тут шло не только о словах и не только об управлении, в котором, по общему признанию и правых и левых, произвол расцвел таким пышным цветом, как никогда не бывало и при Плеве. Отступая со ступеньки на ступеньку, П. А. Столыпин должен был почувствовать власть реакционных сил и над задуманными им проектами преобразований. И он, и министр юстиции должны были торжественно отречься от своих «смелых замыслов» дать народу настоящее правосудие вместо явно отживших и с личной земельной собственностью, очевидно, несовместимых волостных судов, не признающих закона. «Мы утверждаем, — говорил Щегловитов, — что волостной суд утратил право на дальнейшее существование, что оживить его никакими усовершенствованиями не удастся». «Останавливаться в этом деле на перепутье, — убеждал он членов Государственной думы, — нельзя», нельзя «сохранить в том или в другом виде устарелый волостной суд — этот пережиток старого, дореформенного времени». А не прошло и года, как председатель Совета министров вместе с министром юстиции явились в комиссию Государственного совета и заявили, что они соглашаются на оставление волостного суда. Бесчисленное множество заседаний, потраченных III Думой на обсуждение проектов местного суда, оказались пропавшими совсем даром. «Мелкий земельный собственник, — говорил П. А. Столыпин, — несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы». Но когда ему пришлось составлять реальный проект этой самой мелкой земской единицы, для него стало ясным, что «ядром» ее он должен сделать крупного земельного собственника-дворянина, а то все равно никакой реформы ему не провести...

Крестьянка.

Фотография Н. Петрова. 1910-е гг.

Без твердого писаного закона; без суда; без местного управления; без честной полиции, способной охранять личную и имущественную безопасность; без неприкосновенности личности, дающей стимул к энергичной деятельности, какие личные земельные собственники могут укорениться в стране, лишенной всех этих основных гражданских благ!

Трудно думать, чтобы П. А. Столыпин не сознавал всех этих элементарных условий государственного строительства. Но, быть может, правы те, которые утверждают, что, сдавшись на словах, П. А. Столыпин на деле все-таки стремился к упрочению «конституции» или, как он говорил, «представительного строя» и вместе с А. И. Гучковым искал той опоры, на которой можно было бы утвердить этот строй...

Обратимся к фактам.

Глава VI

Кризисы

Октябристы видели причины «неудачи» двух первых Дум в том, что руководящая в них кадетская партия была «непатриотичной» и «ненациональной». По их теории, народное представительство могло утвердиться в России только на основах «патриотизма» и «национализма». Это мнение разделял и П. А. Столыпин, если не он и внушил его октябристам. Программу своих действий А. И. Гучков построил на том, что Государственная дума заботами об армии и о национальных русских интересах должна укрепить себя как наверху, среди правящих, так и в населении и тем сделать себя необходимой. В настоящее время нет еще, конечно, прямых доказательств, но несомненно, что сговор между П. А. Столыпиным и А. И. Гучковым покоился на этих основаниях.

Тактический план А. И. Гучкова был не лишен ловкости, а в проведении его он выказал много ума, настойчивости и мужества. Если тем не менее план этот потерпел полное поражение, если П. А. Столыпин, видя, как октябристы старой гучковской марки тянут его на дно, поспешил отделаться от опасных союзников и создать «националистов», то объясняется это исключительно ошибочностью всех этих «тактических» соображений, тщетностью всяких вообще надежд помочь «тактикой» и «дипломатией» там, где борются подлинные социальные силы. Дело в том, что противники П. А. Столыпина сразу разгадали план А. И. Гучкова и средством для борьбы, со своей стороны, выбрали защиту прерогатив монарха от действительных и мнимых покушений. Сам П. А. Столыпин поддерживал на первых порах тактику Гучкова не из-за теоретического сочувствия народному представительству или по крайней мере не из-за одного этого сочувствия. План А. И. Гучкова нес вместе с тем П. А. Столыпину заметное усиление его власти. Военно-морское дело в значительной степени уходило из-под всякого влияния председателя Совета министров. Существовавший еще в то время Совет государственной обороны, состоявший под председательством великого князя Николаевича, почти совершенно заслонял Совет министров. Отдельные войсковые части, находившиеся в заведовании великих князей,

тоже представлялись экстерриториальными областями. Великое княжество Финляндское стояло почти совершенно особняком, и П. А. Столыпин на течение дел в Финляндии мог оказывать только косвенное, сравнительно небольшое влияние. Наместничество Кавказское сохраняло известную самостоятельность. Конституционно-националистическая Дума обещала распространить влияние П. А. Столыпина на все эти части империи и части управления.

Патриотический натиск А. И. Гучкова на неурядицы в военно-морской области, его смелая знаменитая речь с поименным перечислением «безответственных лиц», стоящих во главе отдельных отраслей военного и морского управления, в свое время произвели большое впечатление. Выступления А. И. Гучкова совпали с упразднением Совета государственной обороны. П. А. Столыпин, конечно, отделял себя от кампании А. И. Гучкова. Он, например, как будто горячо настаивал на предоставлении 11-миллионного кредита на морское судостроение, отклонения которого, до «реорганизации морского ведомства», требовали октябристы и их союзники справа. Но выступления П. А. Столыпина были очень мягки. «Правительство,— говорил он,— после катастрофы находится в несколько ином положении, чем общество и общественное представительство. Оно не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор». Но в то же время Столыпин признавал, что он «чувствует себя в положении защитника лица, уже вперед приговоренного»; успокаивал Думу и ее комиссию, что «решение ваше свободно» (т. е. роспуск не грозит, не то что при обсуждении земельных законов). Он говорил Думе, что «при наличности Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше». Если прибавить к этому, что официальная и зависящая от правительства печать поддерживала А. И. Гучкова, то станет понятным, почему противники П. А. Столыпина в высших сферах распространяли слухи, что он, несмотря на видимое разногласие с Гучковым, действует на самом деле с ним заодно.

В то время реакционные сановники уже поняли, что Союз русского народа не может им служить надежной опорой ни в борьбе с настоящими конституционалистами, ни в борьбе с приобретающим большое влияние П. А. Столыпиным. В то время найдено было гораздо более могущественное орудие борьбы в лице Государственного совета с его прочной правой группой, руководимой П. Н. Дурново. Сторонники П. А. Столыпина утверждали, что за кулисами правая группа инспирировалась С. Ю. Витте. Доказательств этому, однако, представлено не было, если не считать доказательством, что выступления графа Витте против П. А. Столыпина, действительно, нередко обнажали те слабые места, в которые и били затем противники премьера.

Уже в начале деятельности III Думы правые в Государственном совете собирались дать министерству П. А. Столыпина бой на мелком законопроекте о преобразовании Императорской Российской миссии в Токио в посольство, находя, что внесение этого проекта в Государственную думу нарушает прерогативы. Но намерение это было оставлено, вероятно ввиду опасений, как бы кризис на вопросе, связанном с внешней политикой, не был признан неудобным. Решено было сосредоточить всю энергию на вопросах государственной обороны. Из внесенной в Государственную думу «вермишели»* выбран был небольшой законопроект о штатах Морского генерального штаба, вокруг которого и началась какая-то возня, сначала мало понятная для широкой публики. Министерство берет сначала законопроект о штатах обратно, затем вносит его снова. Государственная дума принимает штаты, в Государственном совете они натываются на самое серьезное противодействие. Шванебах, удаленный П. А. Столыпиным из своего министерства, Витте, Дурново доказывают, что этот законопроект не должен проходить через законодательные учреждения, что внесением его министерство нарушило прерогативы короны в такой области, как устройство военных сил, предоставленной исключительно ведению Государя. Министерство все-таки продолжает отстаивать свою точку зрения. Министры являются на заседания Государственного совета, подают свои голоса и добива-

ются того, что Государственный совет, несмотря на сильную оппозицию, принимает законопроект. Но торжество П. А. Столыпина и октябристов было непрочно. Утверждение законопроекта о штатах затормозилось. Все определенное стали слухи, что утверждения и не воспоследует. Вскоре сделалось известным, что законопроект не утвержден и министерство переживает кризис. Для октябристов начались дни, полные тревог. В беседе с сотрудником «Петроградской газеты» А. И. Гучков сделал следующее очень серьезное

«Меня спрашивают, что я думаю делать в будущем и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо невиновными.

Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел.

Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления».

П. А. Столыпин

8 июня 1906 г.

* «Законодательной вермишелью» в Думе называли мелкие и малозначимые законы, которые в огромном количестве поступали на ее рассмотрение.

«Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок. Порядок нарушается всеми средствами; нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации».

П. А. Столыпин.
8 июня 1906 г.

заявление: «Еще полтора года назад я говорил, что конституции грозит опасность вовсе не от правительства, как об этом кричали левые, а со стороны тех групп правых, которые объединились в борьбе за свое существование. Таких групп я насчитываю три: во-первых, придворная камарилья, которая обречена на полное ничегонеделание при новом режиме; во-вторых, отставные бюрократы, оставшиеся не у дел с водворением нового строя и образовавшие правое крыло Государственного совета, это средоточие реакции, и, в-третьих, реакционно настроенная часть дворянства, объединившаяся на съездах». Тогда же А. И. Гучков указал, что у П. А. Столыпина родился новый враг — все прямо или косвенно затронутые сенаторскими ревизиями, избобленные в хищничестве: «Когда начался гроз-

ный цикл сенаторских ревизий, всколыхнулось все темное царство взяточников, казнокрадов».

Со дня на день ждали отставки П. А. Столыпина. Но кризис разрешился гораздо проще. П. А. Столыпин отступил со всех позиций. Он не только примирился с фактом неутверждения законопроекта о штатах, но и принял поручение выработать правила о том, какие из законодательных дел по военному и морскому ведомствам подлежат непосредственному разрешению Государя в порядке ст. 96 Основных законов и какие должны восходить на утверждение Государя в общем законодательном порядке. Когда были опубликованы составленные 24 августа 1909 г. Правила, разъясняющие ст. 96, то выяснилось, что от полномочий законодательных учреждений в области государственной обороны оторван огромный кусок. Та самая почва, стоя на которой октябристы, при содействии П. А. Столыпина, собирались проявить свои заботы об армии и флоте и тем укрепить новый строй, оказалась ускользнувшей у них из-под ног.

П. А. Столыпин остался у власти, но его ближайшие помощники были разбиты наголову. Да и сам он не чувствовал себя победителем. По утверждению сотрудника «Нового времени»* А. А. Пиленко, П. А. Столыпин говорил одному из иностранных послов: «Мой авторитет подорван; меня подержат, сколько будет надобно, для того чтобы использовать мои силы, а затем меня выбросят за борт» («Московский еженедельник»** от 20 марта 1910 г.).

В защиту Основных законов от «разъяснений» П. А. Столыпина выступили социал-демократы, внесшие в Государственную думу запрос о незаконности Правил 24 августа 1909 г. Октябристы, чтобы как-нибудь спасти свое положение, начали прятаться за формальные соображения такого рода, что Правила 24 августа не есть еще закон, а только инструкция для министров и, как таковая, не может быть предметом запроса, а если на основании ее министры допустят какие-либо незаконные действия, то тогда о них и будет

* «Новое время» — газета, издававшаяся в 1868—1917 гг. в Петербурге (Петрограде) и имевшая репутацию реакционного и беспринципного издания. Была закрыта сразу после прихода к власти большевиков.

** «Московский еженедельник» — общественно-политический журнал, издававшийся в 1906—1910 гг. общественным и политическим деятелем и публицистом князем Е. Н. Трубецким (1863—1920).

**Первое торжественное заседание реформированного
Государственного совета Российской империи в зале Дворянского собрания.**

Фотография. 27 апреля 1906 г.

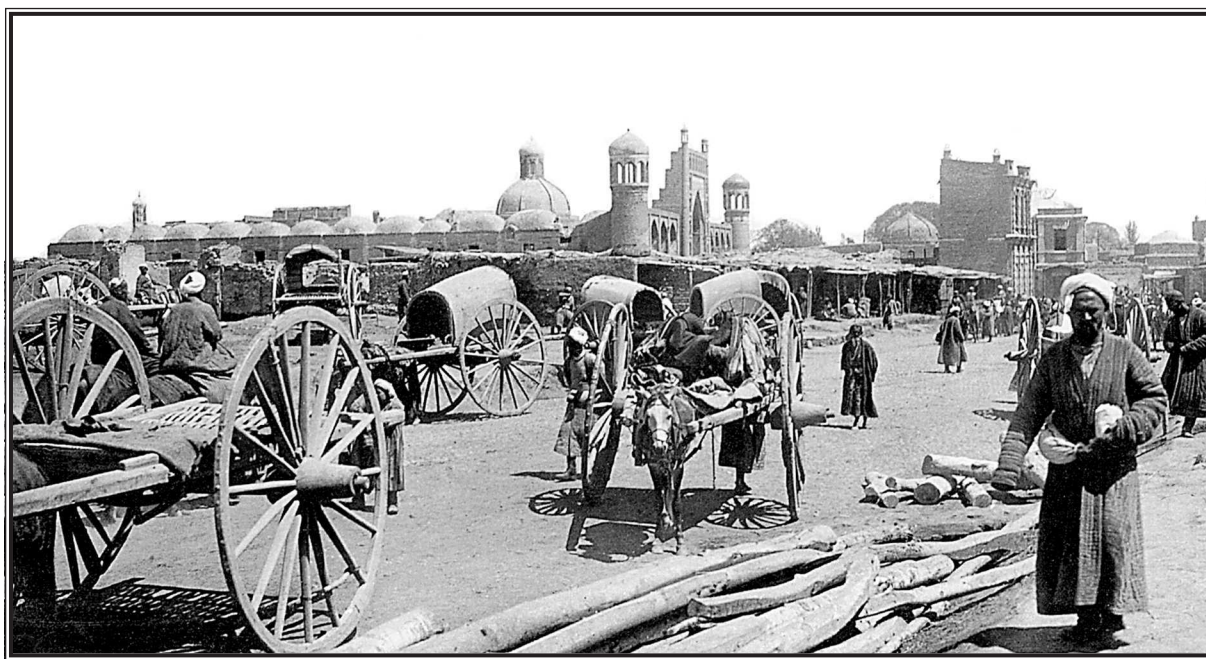
речь, и т. д. Это был явный софизм, прикрывавший поражение. Октябристы хорошо понимали всю серьезность положения. Это видно из того, что они решились на крайний ход. А. И. Гучков занял 12 марта 1910 г. председательское место, рассчитывая использовать свое право непосредственного доклада. В своей вступительной речи он произнес знаменитые слова, что Думе придется «считаться, а может быть, и сосчитаться с внешними препятствиями, тормозящими нашу работу, искажающими ее конечный результат». Намек на Государственный совет был более чем прозрачный...

П. А. Столыпин еще раньше, конечно, не мог обратить внимания на неблагоприятный для него состав Государственного совета и искал средств исправить положение. Его ближайшими советниками в этом деле явились товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский

и новый член Государственного совета Пихно. Отсюда и возник «национализм».

Националистические тенденции, конечно, не новость в нашей истории, а в правящих сферах они являются как бы узаконенной традицией. Со времен Каткова бюрократическая реакция тесно связала себя с полонофобством*, а со времен Игнатьева и Плеве — с юдофобством и борьбой с Финляндией и армянами. Сам П. А. Столыпин, по своей прежней служебной деятельности в Ковенской и Гродненской губерниях, был хорошо знаком с основами нашего бюрократического национализма. Он уважал поляков, но боялся их, так как видел огромное превосходство помещика польского над помещиком русским. 1905 год внес в сознание русского общества одну огромной важности идею — имперскую идею, в силу

* *Полонофобство* — то есть ненависть к полякам.

Самарканд.

Фотография. 1900-е гг.

которой все населяющие Россию народы были признаны принципиально равноценными гражданами единой империи. Даже положение о законосовещательной Думе 6 августа, так называемой Булыгинской думе, призывало к участию в выборах в Государственную думу на равных основаниях все народы, населяющие Российскую империю, кроме «бродячих инородцев»... Избирательный закон, изданный при Витте 11 декабря 1905 г., опирался на этот же принцип. При роспуске I Думы П. А. Столыпин не решился посягнуть на этот краеугольный камень обновленного строя, но он сделал это при роспуске II Думы, когда изданием нового выборного закона были нарушены Основные законы. В Манифесте 3 июня говорилось: «Созданная для укрепления государства Российской Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских».

Согласно этим указаниям новым избирательным законом было значительно сокращено число представителей от польских и кавказских губерний, лишено избирательного права население

целого ряда среднеазиатских губерний, введены курии по национальностям и т. д. «Иные народности» не были исключены из общеимперского представительства, но они были сведены к роли граждан второго и третьего разряда сравнительно с русскими (к которым в разных местностях, смотря по обстоятельствам, присоединялись и некоторые инородцы). Но поставленная цель — чтобы «иные народности» не являлись в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских, — достигнута не была, да и не могла быть достигнута. Роль, которую играют отдельные инородческие голоса, зависит ведь от того, как по данному вопросу раскалываются голоса господствующей народности. Если они расколются на две почти равные половины, то даже два-три, не говоря уже о десятке, польских или мусульманских голоса могут и в III Думе оказаться «вершителями». Так оно и бывало...

Националистический принцип, правда довольно-таки в хаотическом виде, но уже напоминающем австрийскую куриальную систему, был внесен П. А. Столыпиным еще 3 июня 1907 г. в государственное представительство. Однако в это время националистские идеи у П. А. Столыпина еще не оформились и не вылились в опре-

Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — влиятельный публицист и политик, а также издатель и литературный критик, основоположник русской политической журналистики. С 1863 г. — редактор газеты «Московские ведомости», оппозиционной к реформам Александра II. После прихода к власти Александра III, будучи близким к консервативному окружению нового монарха, Катков получил возможность влиять на государственную политику и стал идеологом ряда националистических акций.

деленную систему. Он, например, еще не думал применить национальные курии для выборов в западные земства, и составленный им первоначальный проект не знал таких курий. Решительный план покончить с финляндской автономией родился тоже позднее, под влиянием опасений, как бы эту идею не использовали «правые».

Тут вмешались г-н Пихно и группа киевских националистов. Они обратили внимание П. А. Столыпина на «засилье» поляков в Государственном совете и указали ему на то, что, вместо сомнительных поляков, он из западных губерний может получить несколько преданных правительству выборных членов Государственного совета из крупных русских землевладельцев. П. А. Столыпин с готовностью ухватился за эту идею. Был быстро выработан и внесен в Государственную думу законопроект об отсрочке выборов и продлении полномочий членов Государственного совета от 9 северо- и юго-западных губерний. За время этой отсрочки предполагалось провести закон, изменяющий выборы членов Государственного совета от названных губерний, чего требовали г-н Пихно и его товарищи. Октябристы восстали против отсрочки выборов и доказывали, что наилучшим выходом было бы введение в западных губерниях земства, которое бы и выбирало общим порядком членов в Государственный совет. П. А. Столыпин признал справедливость сделанных ему возражений, но указал, что придется долго ждать, «имея в виду, — как буквально выразился он, — что реформу земских учреждений трудно рассчитывать провести через законодательные учреждения в ближайшем времени и что работа эта, казалось бы, должна предшествовать распространению земского положения на Западный край». Октябристы предложили компромисс: выборы не отсрочивать, произвести их в срок,

но полномочия членов Государственного совета от западных губерний сократить до одного года в расчете, что правительство за это время проведет закон о западном земстве. П. А. Столыпин этот компромисс принял и, вопреки своему недавнему убеждению, согласился ввести земство на окраинах раньше, чем оно будет реформировано во внутренних губерниях и в таком, более совершенном виде распространено уже на неземские губернии. Так желание иметь в Государственном совете лишнюю группу сторонников правительственной политики перепутало все правительственные планы и всю его реформаторскую работу, отвлекши от нужд внутренней русской жизни, направило на окраинные, национальные вопросы...

Так началась эра «национализма». Поляки, которые недавно своими голосами помогли П. А. Столыпину провести через Государственный совет земельную реформу, должны были на себе самих испытать первые плоды «национализма». Им, впрочем, обещался некоторый выкуп в виде введения в польских губерниях городского самоуправления с ограничением в нем прав евреев. Таким образом, один «национализм» влек за собой другой, и оттеснение поляков в западных губерниях в ранг граждан второго разряда предполагалось искупить тем, что в самой Польше

Булыгинская дума — наименование проекта организации представительного законосовещательного органа в России, о создании которого было объявлено царским Манифестом от 6 августа 1905 г. Проект был разработан в Министерстве внутренних дел, которым с 22 января по 22 октября 1905 г. руководил А. Г. Булыгин (1851—1919), рассмотрен в Совете министров и утвержден Государственным советом и царем. Предполагалось, что Булыгинская дума будет создана до середины января 1906 г. Однако после того как октябрьская забастовка в Москве переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку, охватившую не менее 2 млн человек, император 17 октября 1905 г. издал новый Манифест (подготовленный премьер-министром С. Ю. Витте), который изменял в России форму правления — абсолютная монархия сменялась конституционной. Законодательным представительным органом становилась Государственная дума.

Отряд туркменской конной милиции.
 Фотография А. С. Луарсабова. 1896 г.

ниже поляков будут помещены евреи, как граждане третьего разряда.

Со свойственной ему пылкостью П. А. Столыпин увлекся идеей «национализма» и стал переводить на него с землеустройства «ось нашей внутренней политики». В национальных куриях он нашел как бы формулу решения всех вопросов. Курии в его глазах явились каким-то гениальным изобретением, откровением государственной мудрости. Надо всю Россию разделить на национальные курии во всех областях жизни, надо везде русскую национальность отгородить высоким барьером от инородцев — и тогда прочны будут и монархические политические устои, и социальные, которыми он, как человек определенного класса, считал, конечно, крупных землевладельцев. Впоследствии, защищая перед палатами свой образ действий, П. А. Столыпин говорил об этой своей идее: «Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения... быть может, с политической точки зрения не было еще на обсуждении Государственной думы законо-

проекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве... не без трепета вносило правительство впервые этот законопроект... брошены были семена новых русских политических начал... отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, — эти новые побеги, новые ростки начали небрежно затаптываться людьми, или их не разглядевшими, или их убоявшимися... в основном вопросе русской жизни был сломлен двигатель правительственной работы». Мы видели выше, как случайно и даже против воли П. А. Столыпина был в действительности поставлен на очередь вопрос о западном земстве.

«Интрига», состав которой довольно точно очерчен А. И. Гучковым, не могла не обратить самого усиленного внимания на вопрос о западном земстве, из которого П. А. Столыпин пытался сделать для себя неприступную цитадель. Октябрьские несколько компрометировали премьера. Он начал от них отдаляться. Закатывалась звезда А. И. Гучкова и восходила звезда П. Н. Балашова. В Государственной думе из умеренно правых образовалась довольно сильная фракция нацио-

налистов, которая и была объявлена правительственной партией. П. Н. Балашов даже выступил с программой «работы на местах», с той известной программой «древонасаждения», над которой так зло смеялись. Надо признать, что партия националистов была значительно ниже своего главного вождя и основателя П. А. Столыпина. Последний, медленно, ощупью пробираясь к старому куриальному австрийскому конституционализму, в котором он видел какое-то новое слово, все же питал надежды, что национализм может послужить опорой для молодого русского народного представительства. Октябристы собирались утвердить его на заботах о государственной обороне им это не удалось — авось удастся утвердить принцип народного представительства на заботах о русских национальных интересах. Мы полагаем, что П. А. Столыпин, защищая в Государственной думе свой трехдневный роспуск палат для проведения закона по ст. 87, совершенно искренно произнес слова, что «14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства», которые многими считались насмешкой, граничившей с издевательством. Но так называемые националисты ни о каких правах народного представительства вообще не размышляли. Они смотрели на вещи прямо и реально. Они видели, что звание националиста обеспечивает им влияние в правительственных сферах, и спешили девальвировать его в звонкую монету. Они прямо принялись за гешефты, проводимые под националистическим флагом. Националисты готовились завладеть «местами» и в новых земствах, и в Финляндии, и на железных дорогах...

Эпизод с западным земством позволяет заглянуть в самую глубь сложившихся у нас отношений. Он ясно показывает, что укреплять права «молодого русского народного представительства» нельзя никакими тактическими приемами, будь то октябристский милитаризм или столыпинский национализм. «Укрепление» это зависит от социальных отношений в стране. Эпизод с западным земством доказал лишний раз ту истину, что, при сохранении господства за дворянско-землевладельческим классом, никакие реформы, никакое правильное развитие конституционной русской жизни невозможно. П. А. Столыпину не впервые пришлось столкнуться с этим фактом. Уже после роспуска I Думы московский съезд дворян-помещиков-земцев в резкой фор-

«Трехдневный роспуск палат» — события «Конституционного кризиса» 1911 г., возникшего в результате сложного прохождения правительственного законопроекта о введении земства в шести губерниях Западного края — в Белоруссии и на Правобережной Украине. 4 марта 1911 г. законопроект был окончательно отклонен. П. А. Столыпин подал в отставку, но Николай II ее не принял. Тогда П. А. Столыпин выдвинул ультиматум: законопроект о введении земства в Западном крае утвердить в чрезвычайно-указном порядке, лидеров правой группы П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова (которых П. А. Столыпин считал организаторами провала законопроекта) отправить в принудительный отпуск, дать ему (Столыпину) право в начале следующего года заменить 30 членов Государственного совета лицами по своему выбору. Император (по настоянию своей матери) согласился с этими условиями. 14 марта 1911 г. был принят закон о введении земства в Западном крае.

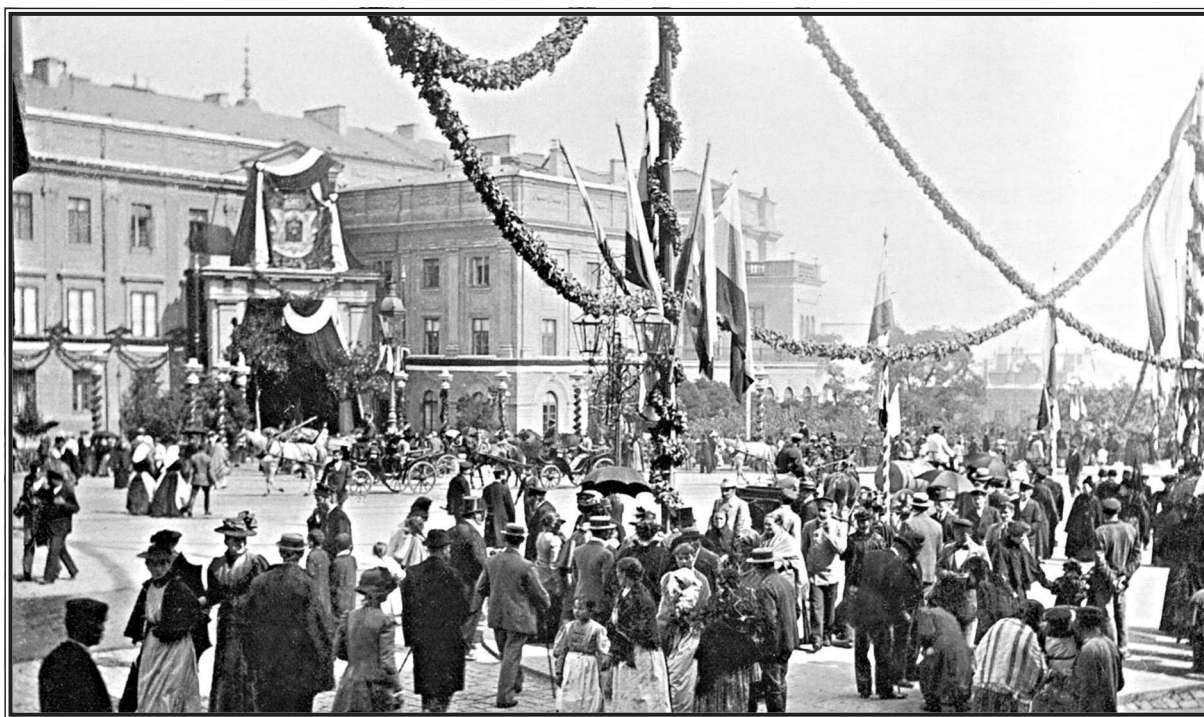
ме высказал П. А. Столыпину, что его проекты земской реформы — та же самая революция, что и кадетские проекты, только несколько в смягченном виде. Земельная политика П. А. Столыпина, казалось бы, проводилась чуть ли не под диктовку Совета объединенного дворянства, но и она, а в особенности же выступления П. А. Столыпина и князя Васильчикова во II Государственной думе вызвали сильное возмущение «зубров» против министерства. В противовес кадетскому принудительному отчуждению П. А. Столыпин предлагал продажу крестьянам земли через Крестьянский банк. Когда ему указали, что имеющиеся у банка земли — капля в море сравнительно с крестьянской нуждой, он отвечал словами, которых ему долгое время не могли простить дворяне-помещики. «Но, господа, — заявил он, — ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями... при массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них не возросли бы». Из этих слов вывели, довольно-таки логично, что правительственная земельная политика строится в предположении, что масса земель, предлагаемых в продажу, будет не уменьшаться, а увеличиваться, т. е. что помещикам будет все труднее и труднее жить и хозяйничать в деревне. Крестьянские депутаты во II Думе провозгласили

с высоты трибуны этот вывод со всеми необходимыми комментариями. Главноуправляющий землеустройством князь Васильчиков сказал вдобавок несколько туманных фраз о «передвижении граней». Крик боли послышался из рядов «зубров», и П. А. Столыпину, чтобы несколько успокоить разразившуюся бурю, пришлось пожертвовать князем Васильчиковым и заменить его крайним правым Кривошеиным. Но и политика насаждения мелкой крестьянской земельной собственности, продажи крестьянам участков через банк сильно смущала крупных землевладельцев-дворян. Они понимали, что по мере того, как тает их землевладение, будет ослабевать и их социальное и политическое могущество. Они предчувствовали, что силою вещей среднее и мелкое землевладение будет стремиться к вытеснению крупнопоместных дворян из земства и вообще из местной жизни. Настаивая в первое время на разрушении общины, как на лучшем средстве поселить в деревне междоусобие, поместные дворяне скоро поняли, что проводимая реформа имеет и свою оборотную сторону. Проект западного земства показал им краешек того, что их ожидает в неособенно отдаленном будущем.

Проект введения земских учреждений 1890 г. в шести западных губерниях (от введения земства в трех северо-западных губерниях правительство отказалось) довольно легко прошел в Государственной думе. Октябристы, отчасти для усиления русского элемента, представленного в Западном крае мелкими, а не крупными землевладельцами, отчасти из желания проявить свой либерализм, сократили предложенные правительством цензовые нормы наполовину. Законопроект, поступивший в Государственный совет, вызвал там сильную оппозицию. Против него образовалась разномастная коалиция. Правые и крупные помещики были против него, во-первых, потому, что они находили введение земства вообще вредным, влекущим для них только новые расходы; во-вторых, потому, что сильно пониженный ценз для западных губерний напоминал им о предстоящем понижении ценза и во внутренних губерниях. Сильная в Государственном совете группа польских магнатов была против правительственного законопроекта потому, что жало его направлялось против поляков. Наконец, левая группа вооружалась против законопроекта главным образом потому, что он вводил в земскую жизнь новое начало наци-

ональных курий, которое она считала вредным для государства. Враги П. А. Столыпина, так называемая *интрига*, не могли не видеть, что для нанесения удара представляется очень удобный случай. Правительство объявило, что центром всего законопроекта оно считает постановление о куриях. Попытаться нанести правительству удар на вопросе о пониженном цензе смысла не имело. Правительство и само не очень сочувствовало демократизации, допущенной Государственной думой, и отрицательный вотум Совета могло бы встретить со скрытой радостью. Зато, направляя свои удары на вопрос о куриях, противники П. А. Столыпина имели бы на своей стороне огромное большинство и нанесли бы столыпинскому проекту смертельный удар. Часть членов Государственного совета из правой группы все-таки колебалась. Назначенные члены Совета не решались выступить против министерства по столь важному проекту. Тогда-то член Государственного совета В. Ф. Трепов испросил аудиенцию, рассказал, что депутаты из Западного края, ходатайствовавшие о введении там земских учреждений, не выражали голоса населения, а были бутафорскими чиновничьими организациями. В результате Трепов получил возможность передать своим сочленам по Государственному совету перед самым днем решительного голосования, что они могут голосовать «по совести», что, подавая свой голос против законопроекта, они не пойдут против ясно выраженной Высочайшей воли. Выступление В. Ф. Трепова, о котором П. А. Столыпин до голосования ничего не знал, решило дело. П. А. Столыпин, принявший соответственные шаги, был уверен в победе, хотя и незначительным большинством. Результаты голосования его страшно поразили. Лица, присутствовавшие на заседании, говорили, что, обыкновенно чрезвычайно выдержанный и хладнокровный, П. А. Столыпин на этот раз не мог сдержать выражения охвативших его чувств. Он поспешил уехать из Государственного совета и подал прошение об отставке.

Правые и левые были очень обрадованы известиями об этой отставке и не скрывали своей радости. Только националисты и отчасти октябристы оплакивали уход П. А. Столыпина. Так называемые левые октябристы, уже со времен истории с морскими штатами, относились к П. А. довольно холодно. И среди националистов, в предвидении будущих возможных перемен, на-

Улица в центральной части Варшавы.

Фотография К. Бранделя. 1910-е гг.

чала организовываться группа так называемых независимых националистов, которые отказывались в «человеконенавистничестве» идти так далеко, как Марков 2-й. Всего характернее для определения националистической души то, что во главе «независимых националистов» выступал не кто иной, как г-н Крупенский, бывший фактумом П. А. Столыпина, ему многим обязанный, им выведенный в люди и теперь собиравшийся предавать его ввиду слухов о переходе власти к Коковцову. Так мыши начинали уже бросать корабль, в котором появилась течь...

Отставка была уже почти решенным делом. Но националисты не дремали. Они нажали самые нежные педали; обратились к женскому влиянию; раздували радость левых групп по поводу ухода П. А. Столыпина; указывали, что «крамола» поднимает голову, что Столыпин — единственный человек, способный справиться с тяжелым положением; пугали террором и заговорами. По статьям «Нового времени» можно было легко видеть, как ежедневно менялись шансы. Сперва чуткая газета в многочисленных статьях писала некрологи П. А. Столыпину. Через два дня, сначала

робко, затем все громче и громче, газета стала доказывать, что отпустить Столыпина нельзя, что без него все придет в хаос и возобновится смута. Эта точка зрения и одержала верх. Отставка П. А. Столыпина принята не была, и он получил *carte blanche** действовать по своему усмотрению. Поставленные им условия были приняты, несмотря на то что крайние правые в самом факте постановки условий видели неслыханное, недопустимое в монархическом государстве явление.

П. А. Столыпин «победил» на всех пунктах. Главные его противники, руководители «интриги» П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов, получили восьмимесячный отпуск за границу. Государственная дума и Государственный совет были распущены на три дня, а в это время на основании ст. 67 Основных законов был проведен в порядке чрезвычайного законодательства проект западного земства в думской редакции.

Такого удара по Основным законам не могли перенести и октябристы. В одну ночь они, только что вместе с националистами внесшие законо-

* Карт-бланш (фр.).

проект о западном земстве в Государственную думу и, в виде демонстрации против Государственного совета, предлагавшие правительству провести его в два дня в порядке думской инициативы, перешли в оппозицию. А. И. Гучков отказался от поста председателя Государственной думы и, ни с кем не «сосчитавшись», поехал путешествовать на Дальний Восток. Все правые и левые группы, все, кроме националистов, вооружились против посягательства П. А. Столыпина на Основные законы, хотя и по разным мотивам. В Государственный совет и Государственную думу было внесено несколько запросов. П. А. Столыпин пошел навстречу этой буре. 1 апреля он ответил на запрос в Государственном совете, а 27-го — в Государственной думе. И там и тут его ответы были признаны неудовлетворительными, но, в силу тактических соображений, из нежелания вмешивать в конфликт Монарха, резолюции палат не были официально доложены Его Величеству.

П. А. Столыпин знал своих «паппенгеймцев»*. Он понимал, что время — лучший лекарь, что русские люди отходчивы и что октябристам надо дать время остыть от обуявшего их припадка гражданского гнева. Действительно, октябристская непримиримость уже скоро начала уступать место прежней сговорчивости, и октябристы вместе с националистами и правыми стали дружно работать с правительством. Согласно закону указ о западном земстве должен был быть внесен в Государственную думу через два месяца после открытия ее заседаний. Перед истечением этого срока Государственная дума была распущена, и П. А. Столыпин получил возможность действовать со свободными руками в течение почти пяти месяцев. Был выработан определенный план действий. Решено было со всевозможной быстротой ввести в действие новый закон о западном земстве, дабы палатам пришлось уже иметь дело с учреждением, пустившим в землю корни. Такое учреждение не так-то легко уничтожить. К завершению земской реформы намечены были торжества в Киеве, во время которых Государю Императору должны были представляться земские делегации и благодарить за реформу. Еще раньше

* *«Jemand kennt seine Pappenheimer»* (нем.) — «Мы знаем своих паппенгеймцев» — крылатая фраза из трилогии «Валленштейн» Ф. Шиллера, означающая; «знаем мы вас», «знаем, с кем имеем дело».

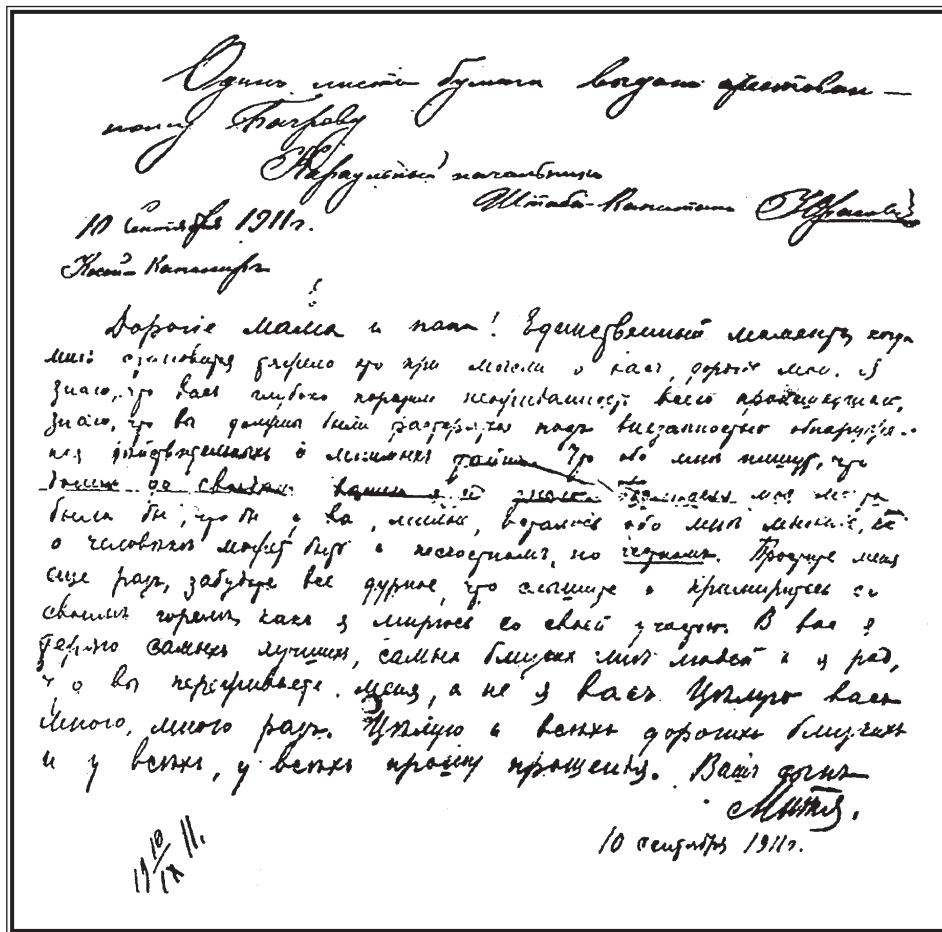
«Зубрами» или «курскими зубрами» политические оппоненты называли консервативно настроенных дворян — депутатов III Государственной думы, считавшихся опорой правительства в Думе. Прозвище возникло после выступления Николая Маркова 2-го, который жаловался, что газеты «представляют прекрасную работу курского земства в виде какого-то нелепого упражнения зубров». После этого выступления слово «зубр» в переносном смысле стало означать нечто отжившее, реакционное, что-то вроде современных переносных значений слов «ископаемое» или «динозавр».

предположен был целый дождь благодарственных телеграмм от уездных земских собраний. Чтобы освежить несколько ослабшую дружбу между националистами и октябристами и указать им вместе с тем на предстоящую избирательную кампанию к IV Думе, решено было выставить старый призрак кадетской и революционной опасности. Официозные, националистские и октябристские газеты повели дружную кампанию против революционных планов кадетов. За неимением обличительного материала в настоящем, усилиями охраны вытащено было из архивов старое дело о Парижском конгрессе 1904 г., где представители тогда еще не существовавшей кадетской партии заседали вместе с социалистами-революционерами. Обвинители сами отлично знали, что это было еще до введения в России представительных учреждений, что все события того времени покрыты Высочайшей амнистией. Но они преследовали только агитационные цели. Вдохновителям кампании надо было толками о кадетской революционности и угрозами по адресу всех кадетских союзников толкнуть октябристов в объятия националистов, заставить их забыть о своих недавних выступлениях против министерства.

Все, казалось, шло очень хорошо, октябристы успокаивались. «Голос Москвы»** с меньшим усердием, чем «Новое время», «Россия» и «Свет»***, занимался травлей кадетов. В западных губерниях шла спешная работа по введению земских учреждений. В этой спешке было совершено немало несправедливостей и незаконий,

** Ежедневная политическая газета; орган октябристов. Выходила в Москве с 23 декабря 1906-го по июнь 1915 г.

*** Издания, считавшиеся реакционными.

Письмо Дмитрия Богрова
 к родителям, написанное
 из крепости накануне казни

но конечный результат казался благоприятным: состав земств получился если не «националистический», то во всяком случае вполне умеренный, несклонный к оппозиции правительству. С внешней стороны П. А. Столыпин мог казаться полным победителем. Он удачно преодолевал все чрезвычайные затруднения, встречавшиеся ему на дороге. В его голове рождались уже новые планы, дальнейшие этапы воинствующего национализма, вроде национализации кредита, присоединения Выборгской губернии, очищения железных дорог от польского элемента и замены их союзниками и т. д. Но что-то мешало этому торжеству. Носились какие-то тени. Появился и все более креп слух, что именно теперь, в этот час, казалось, полнейшего торжества П. А. Столыпина, его и ждет удаление от государственных

дел, что ему готовится почетный пост наместника Кавказа. Несмотря на свой яркий блеск, звезда П. А. Столыпина, видимо, все-таки закатывалась...

Подготавливались какие-то события, но нить их была прервана выстрелом Богрова, революционера из охранного отделения...

«В киевском преступлении, — писал П. Б. Струве в № 10 “Русской мысли” за 1911 г., — общество не почувствовало ничего своего, и оно было право: тут “революция” испарилась, как общественное движение, и превратилась в чисто личную авантюру современных сверхчеловеков. Как революционный акт убийство П. А. Столыпина совершенно случайно. Не случайна в нем только та роль, которая выпала на долю так называемой охраны. Но “охрана”, которая послужила трам-

Дмитрий Богров после покушения.

*Фотография из материалов
полицейского расследования*

плином для революционного прыжка Богрова, так же чужда обществу, как и этот самый революционный прыжок, едва ли не являющийся самоубийством изъеденного своим собственным нравственным нигилизмом человека. В том, что от пули революционера-охранника пал П. А. Столыпин, с трибуны Государственной думы отрицавший внутреннюю прикосновенность Азефа к революционному террору и его соучастие в важнейших террористических актах и признавший в Азефе лишь удобного “сотрудника”, чувствуется что-то трагическое и роковое. В свое время я усомнился в том, что Столыпин искренно отрицал нечто столь очевидное и видел в этом

отрицании вынужденную самозащиту министра внутренних дел, т. е. министра полиции, спасавшего свое положение и престиж полицейского ведомства перед лицом убийственного разоблачения. Но что если Столыпин в самом деле заблуждался и понял истину гораздо позже, может быть, только на смертном одре?!»

До сих пор убийство остается неразъясненным.

Богров был казнен с чрезвычайной поспешностью, процесс его происходил при наглухо закрытых дверях, так что свет истины не мог упасть на все извывы киевского преступления. Какова в нем роль охраны? Была ли тут просто огромная небрежность или нечто иное, граничащее с умыслом? Общественное мнение как будто склоняется ко второму предположению. По крайней мере, лидер октябристов А. И. Гучков с трибуны Государственной думы решился сказать такие слова: «Нашлись люди, которые сделали из нашего недуга (террора) источник здоровья (*голос слева: Охранники!*), из нашей медленной смерти оправдание своей жизни. Эти люди забыли свой долг, свою присягу, забыли, какие жизненные интересы государства и какие жизни им вверены. Для этой банды существовали только соображения карьеры и интересы личного благосостояния, расчеты корысти. Это были крупные бандиты, жадной толпой стоящие, но с подкладкой мелких мошенников. Когда они увидели, что их распознали; когда они почувствовали, что им наступили на хвост, что стали подстригать их когти, стали проверять их ресторанные счета, — то они предоставили событиям идти своим естественным течением...»

Глава VII

Итоги пятилетней деятельности

Мученическая смерть П. А. Столыпина на посту явилась для него апофеозом. Его друзья пытались канонизировать покойного премьера, изобразить его великим русским государственным деятелем, творцом «обновленной России». Явное преувеличение с одной стороны вызвало яростные преуменьшения с другой. Слева и справа раздались голоса, что П. А. Столыпин был одним из зауряднейших губернаторов, волею судеб очутившимся на первом месте. Попробуем, насколько возможно беспристрастно, оценить,

что сделал П. А. Столыпин за 5 лет своего премьерства и кем он был.

Деятелю «обновленной России» после 17 октября мы прежде всего должны задать вопрос: каковы его политические убеждения? Какой же символ веры исповедовал П. А. Столыпин? Нельзя при этом ограничиваться одними его словами. Из того, что П. А. Столыпин в последние годы часто употреблял слова «самодержавие», «самодержавная власть», вовсе еще не следует, что в вопросе о форме нашего государственного

устройства П. А. Столыпин сходил с крайними правыми. Употребление известных слов могло быть только тактическим приемом. Корень вопроса в том, как он смотрел на Основные законы, считал ли их обязательными для всех в России без исключения или нет? Не подлежит сомнению, что во время I и II Дум, когда общественное движение было достаточно сильно, П. А. Столыпин был истинным конституционалистом, правда не по симпатиям, не по душевной склонности к этому строю, но по рассудку, по сознанию, что вне этого строя не может быть величия России. В телеграмме, циркулярно разосланной губернаторам перед выборами во II Государственную думу, П. А. Столыпин указывал им на необходимость устранить «всю злонамеренность толков о желании правительства созвать Думу лишь с целью ее неопременного роспуска и возвращения к прежним, осужденным Государем порядкам». В той же телеграмме он в таких выражениях характеризовал роль Думы: «Призванная Государем служить основой законодательного строя в Империи, являясь важнейшим фактором воссоздания крепких государственных устоев и порядка, имея право законодательной инициативы, Государственная дума встретит в правительстве живейшее и искреннейшее стремление к согласованной, плодотворной, творческой работе». В декларации перед II Думой П. А. Столыпин говорил, что, «преобразованное по воле Монарха, отечество наше должно превратиться в государство правовое». Не произнося из известных тактических соображений слова «конституция», П. А. Столыпин исповедовал, несомненно, основы конституционного, правового строя.

Между II и III Думами имел место Акт 3 июня, резко нарушивший Основные законы. Естественно, что политические взгляды П. А. Столыпина, взявшего на свою ответственность Акт 3 июня, должны были измениться. В Манифесте 3 июня подчеркивалось, что «все дарованные Манифестом 17 октября и Основными законами права» остаются в силе, изменяется лишь избирательный закон, так как «только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым». Развивая эти положения в Декларации 16 ноября, П. А. Столыпин говорил, что «историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха призвана, в минуты потрясений

и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». «Строй, в котором мы живем, — говорил он далее, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных». Подчеркивая, что это «законодательный, новый представительный строй», и протестуя против прикрепления к «нашему русскому стволу какого-то чужестранного цветка», П. А. Столыпин указывал, что ведь само самодержавие русских царей менялось на протяжении истории: «Самодержавие московских царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины II и Царя Освободителя». Все это чрезвычайно туманно и неопределенно, гораздо неопределеннее, чем даже Манифест 3 июня. Этот акт ограничивал право государственного переворота только областью избирательного закона, а П. А. Столыпин шел гораздо дальше, создавая целую теорию «спасения» России, «возвращения ее на путь порядка и исторической правды». Чего нельзя было только подвести под эту широкую формулу, окончательно упразднявшую значение Основных законов! И все-таки крайние правые, открыто требовавшие изменения Основных законов и превращения Государственной думы из законодательного в законосовещательное учреждение, были П. А. Столыпиным недовольны, видели в чем-то различие между собой и им, да и сам П. А. Столыпин упорно продолжал говорить о «новом законодательном представительном строе». Было ли тут одно лицемерие или же на самом деле существовало какое-то различие?

Немедленно после смерти П. А. Столыпина бывший террорист, а ныне редактор «Московских ведомостей» Л. А. Тихомиров опубликовал свое письмо, посланное премьеру 5 июля 1911 г. В письме этом, указывая на господствующую у нас анархию и бессилие законодательных учреждений, г-н Тихомиров предлагал П. А. Столыпину добиться нового государственного переворота, радикального изменения Основных законов в смысле уничтожения законодательного значения наших палат. Центральное и самое существенное место письма г-на Тихомирова сводилось к следующей фразе: «Сам Государь Император может самостоятельно лишь не допустить закона воспринять силу, но создать по-

П. А. Столыпин.
Фотография. 1908 г.

требного для страны закона самостоятельно не может». Опубликование письма Тихомирова как бы подтверждало ту мысль, что П. А. Столыпин был врагом Конституции 1906 года и вел переговоры об изменении Основных законов. Желая сгладить впечатление, произведенное этим письмом, брат покойного премьера поспешил опубликовать и ту резолюцию, которую П. А. Столыпин положил на письма Тихомирова. Резолюция эта чрезвычайно любопытна и проливает много света на политические взгляды П. А. Столыпина. «Все эти прекрасные теоретические рассуждения, — писал П. А. Столыпин, — на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции». Итак, рассуждения г-на Тихомирова, вызвавшего к государственному перевороту, к восстановлению прежнего абсолютизма, хотя бы и сопутствуемого выборными от сословий людьми, П. А. Столыпин признавал

«прекрасными». Противопоставить им он мог только боязнь «революции». Настоящего правового уважения к Основным законам Российской империи у него не было. Он не мог отвергнуть с презрением тихомировские рассуждения, как призыв к преступлению, к нарушению закона. В цели он с ними сходил, но средство, предлагаемое г-ном Тихомировым, открытое изменение Основных законов, считал опасным и ведущим к революции. Такое отсутствие правового чувства в руководителе политики страны поистине ужасно. Оно, впрочем, является логическим последствием его действий при роспуске II Думы.

В прениях по запросу о способах введения им западного земства П. А. Столыпин уже вполне определенно, со всеми точками над *i*, в виде системы, развил свои политические воззрения. «Всемирно известен, — говорил П. А. Столыпин, — всем памятен установившийся, почти узакон-

ненный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах». Это положение, очень ярко названное П. А. Столыпиным «гармонически законченной законодательной беспомощностью», очерчено им совершенно верно. Правительство хотело вести яркую политику, а следовательно, «правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный выход». И этот «выход» правительство нашло в ст. 87 с образованием для

ее применения искусственного (в данном случае трехдневного) перерыва. «Конечно,— говорил премьер,— ст. 87 — средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения». П. А. Столыпин признает, что было бы «нелепо, я скажу, даже преступно, вводить в обычный обиход управления страной статью 87»; он надеется, что, с упорядочением нашей политической жизни, необходимость в ней исчезнет и постепенно установится законодательная работа без такого «некоторого нажима на закон», как он выразился в частном разговоре. Но пока приходится выбирать между откровенной отменой Основных законов в духе Тихомирова или применением их с обходом, в случае нужды, при помощи ст. 87 и «нажима на закон». Исходя из этой своей те-

Трапезная церковь Киево-Печерской Лавры
(на переднем плане — могила П. А. Столыпина).

Современная фотография

Могила П. А. Столыпина в Киево-Печерской Лавре.

Современная фотография

ории, П. А. Столыпин и сказал показавшуюся кощунственной фразу, что «14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства».

Надо ли доказывать всю ошибочность рассуждений П. А. Столыпина? Явный обход закона, применение Основных законов *in fraudem legis**, не может, конечно, усиливать народного представительства, а только демонстрирует его бессилие, делает его жалким и смешным. К чему народное представительство, если можно законодательствовать и без него и против него? Стоит ли

обращать внимание на «болтовню депутатов», когда при помощи ст. 87 можно сделать все что угодно, предоставив им впоследствии «одобрить» принятую меру? Нет, в том жалком положении, в котором находится русское народное представительство, не пользующееся в стране почти никаким авторитетом, в значительной мере виноват именно П. А. Столыпин, сначала нарушивший Основные законы открыто, якобы для «спасения державы», а затем создавший теорию постоянного обхода их при помощи ст. 87 для обыденной законодательной практики. Откровенное нарушение закона в случаях чрезвычайных и обход его в случаях обыденных — такова политическая теория

* В обход закона (*лат.*).

покойного премьера. П. А. Столыпин горячо защищался от упрека, что его способ действий есть, по его же выражению, «возвращение к худшему из абсолютизмов, к абсолютизму зарвавшихся чиновников». Когда он произнес эти слова, слева раздался возглас: «Верно!» — и это замечание, конечно, было справедливо. Но вся горечь иронии русской жизни, насквозь пропитанной беззаконием, состоит в том, что П. А. Столыпин в своей теории мог искренно видеть «укрепление представительного строя». Мы решительно утверждаем, что он это говорил вполне искренно, потому что столь же искренно один из немногих мыс-

лящих правых идеологов г-н Балаклеев в теории П. А. Столыпина увидел «конституционализм». «Указание на то, что Монарху предоставляется статьей 87-й единственная возможность, — говорил вполне логично г-н Балаклеев, — это указание, по-моему, ясным образом свидетельствует, что председатель Совета министров считает Монарха конституционным в смысле подчиненности Его Основным законам...»

Вывод г-на Балаклеева, повторяем, правилен, но он не полон. П. А. Столыпин признает и абсолютизм Монарха, но только в экстренных случаях, когда нужно «спасти державу». В обыч-

Старообрядцы Нижегородской губернии.

Фотография М. Дмитриева. 1897 г.

ных же случаях П. А. Столыпин признавал абсолютизм чиновников, предоставляя им при помощи ст. 87 обходить смысл Основных законов, сохраняя их букву. Поэтому-то такой эффект произвели слова графа Витте в его известной переписке с А. И. Гучковым, что Столыпин занимался ограничением власти Монарха в пользу не народа, а кучки чиновников. Тут не только ядовитый и тактически убийственный выпад против политического врага, тут и большая доля истины, которой не могут отрицать и вполне беспристрастные люди...

П. А. Столыпин не только «в прекрасных теоретических рассуждениях» дискредитировал народное представительство и подрывал его значение. Все его крупные реформы, благие или вредные, все они проведены помимо народного представительства, при помощи ст. 87. Предоставление старообрядцам и сектантам свободы отправления веры, уравнивание крестьян в гражданских правах с лицами иных сословий, предоставление им права выбирать земских гласных, отмена административной расправы с ними земских начальников — все эти меры, встреченные обществом сочувственно и служившие к укреплению за П. А. Столыпиным за границей звания либерала, проведены им в порядке ст. 87. Главнейшее дело его жизни, реформа, которая навсегда ввела его имя в русскую историю, — предоставление крестьянам выхода из общины с землей. Эта мера, к которой одни относятся безусловно отрицательно, а другие (в том числе и автор этих строк) видят в ней принципиально верную, но плохо осуществленную мысль, эта мера представляет подлинную, чреватую самыми неожиданными последствиями революцию, но и она осуществлена в порядке ст. 87. При содействии народного представительства П. А. Столыпин осуществил только одну крупную меру — отмену финляндской автономии общим огульным декларативным законом 17 июня 1910 г., не требовавшим никакого творчества. Какой труд при наличии людей, готовых слепо вотировать все, что ни предложат, представляет сочинение законопроекта, устанавливающего, что отныне все финляндские дела, какие правительство найдет нужным, будут рассматриваться в общеимперских законодательных учреждениях? Вся трудность финляндского вопроса, его трагическая зависимость от состояния культуры и свободы в самой Империи, станет ясной только при на-

полнении этих пустых форм реальным содержанием. Какие законы дадут Финляндии общеимперские законодательные органы, не заменят ли они свободы, установленные сеймом, усиленной и чрезвычайной охраной с охранными отделениями, как хранителями законности?..

Мы только что упомянули о земельной реформе. В речах П. А. Столыпина вы найдете множество красноречивейших тирад о значении крепкого мелкого личного собственника для устойчивости государства, о значении его для свободных учреждений и для местного самоуправления... Есть указания и на то, что П. А. Столыпин понимал и невозможность прочного создания таких собственников в бесправной и бессудной стране. Не мог ведь он не видеть, что в условиях русской жизни проводимая реформа не дает прочных прогрессивных хозяйств, а рождает злобу и вражду в деревне, создает привилегированных, но культурно пока еще вовсе не сильнейших крестьян; что все это готовит лишь почву для поножовщины и пугачевщины. Существующий уклад жизни не дает ведь и собственникам надлежащей правовой защиты, а огульные расправы административным путем над общинниками вызывают такую ненависть к хуторянам, которая к добру не приведет. Мы отвергаем, как несправедливый, бросаемый реформе упрек, что цель ее — создать в помощь помещикам несколько сот тысяч деревенских кулаков. Нет, цели реформы другие. Они сводятся к европеизированию русского сельского хозяйства, к созданию миллионов крепких сельских хозяев, мелких собственников, которые бы подняли наш падающий сельский промысел. Но без реформы правового строя цели эти недостижимы. В атмосфере бесправия и беззакония реформа, действительно, может выродиться в обезземеление части крестьян для увеличения земельных владений кое-каких кулаков. Что же П. А. Столыпиным было сделано для водворения порядка и права на Руси? Обещано было очень много. Все эти обещания черным по белому занесены в декларацию, прочитанную перед II Государственной думой 6 марта 1907 г. Но когда мы возьмем по пунктам все обещания этой декларации и посмотрим, что сделано за истекшие четыре с половиной года, то итоги получатся подавляющие. Эта сухая, почти математическая таблица сама говорит за себя и сама произносит строгий, нелицеприятный суд.

Вот она:

Обещано в декларации	Существует в жизни
1. Предоставление крестьянам земель государственных, удельных и кабинетских	Из более чем 9 млн десятин крестьянам до 1 января 1911 г. было продано 281 000 десятин
2. Ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое, беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.	Ничего не осуществлено. Большинство законопроектов застряли в Государственном совете, где их ждет гибель. Прошедший через обе палаты законопроект об отмене ограничений для православных священнослужителей, лишенных сана, утверждения не получил
3. Неприкосновенность личности, при которой «личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной судебной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции»	На пространстве всей России господствует административный произвол. Попытка петербургских мировых судей проверять законность арестов встретила резкое противодействие правительства. Законопроект о неприкосновенности личности, обработанный г-ном Замысловским в смысле полной ее прикосновенности, к счастью, застрял в Государственной думе
4. Введение лишь во время войны или народных волнений исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих	Ныне существует не три, а уже четыре. Кроме военного и положений о чрезвычайной и усиленной охранах, администрации на всем протяжении Империи предоставлено право издания обязательных постановлений с административными карами, что совершенно равносильно положению об усиленной охране. Хотя уже давно нет ни войны, ни народных волнений, но в России нет ни одной местности, которая бы управлялась только на основании общих законов
5. Административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить	Процветает по-прежнему
6. Бессловная самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы	Таковой пока нет и, когда будет, неизвестно
7. Образование особых земельных обществ исключительно для решения своих земельных дел без всяких административных обязанностей	По-прежнему сельское общество представляет хаотическое смешение экономических, хозяйственных и административных функций
8. Меры против чрезмерного сосредоточения надельных земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрощению совершения на них актов	Законом 14 июля 1910 г. запрещено сосредоточение в одних руках более 6 наделов и упрощено совершение актов. Мер против дробления нет
9. Введение поселковых управлений	Их нет

Обещано в декларации	Существует в жизни
10. Уставы общественного призрения, о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений	Законами не стали. Во время голодной кампании 1911 г. земства от продовольственного дела были устранены административными комитетами
11. Земское представительство строится на принципе налогового ценза, что расширяет круг лиц, принимающих участие в местной жизни; компетенция органов самоуправления увеличивается передачей им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий	В жизни все по-старому, а отношение администрации даже к «правым» земцам при П. А. Столыпине было не лучше, чем при Плеве, когда земства слыли за оппозиционные учреждения
12. Введение самоуправления на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями изменениями в Прибалтийском, Западном крае и царстве Польском	Введены только земские учреждения в 6 западных губерниях на основании ст. 87 с нарушением Основных законов
13. Законы о губернском и уездном управлении	Пока все по-старому
14. Жалобы на административных и выборных должностных лиц и учреждения будут рассматриваться административно-судною коллегией с соблюдением форм состязательного процесса	Пока все по-старому
15. Земские начальники упраздняются	Благополучно существуют
16. Преобразование полиции в смысле объединения полиции жандармской и общей	Пока все по-старому. Даже в проекте обе полиции, в сущности, остаются раздельными
17. Производство политических дознаний передается власти следственной	Из области мечтаний. В жизни господствуют охрана и ее герои
18. Новый полицейский устав	Действует «устарелый Устав о предупреждении и пресечении преступлений» и даже не он, а Положения об усиленной и чрезвычайной охране и обязательные постановления
19. Отмена волостных судов	От этой мысли отказался Государственный совет и министерство П. А. Столыпина
20. Местный суд мировых выборных судей	Проект прошел через Государственную думу и застрял, кажется, безнадежно, в Государственном совете
21. Проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающий начала уголовной и имущественной ответственности служащих	Только проект... Обсуждение его в Государственной думе состоялось только после смерти П. А. Столыпина

Обещано в декларации	Существует в жизни
22. Проект об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства	Осуществлен
23. Допущение защиты на предварительном следствии	Проведение законопроекта разбилось о Государственный совет при бездействии правительства
24. Установление института условного осуждения	То же самое
25. Установление условного досрочного освобождения	Законопроект прошел все стадии. В 1910 году был применен к 12 353 осужденным
26. Введение в полном объеме нового Уголовного уложения по согласованию его с новыми законоположениями	Пока все по-старому
27. Проекты охранительного судопроизводства, вотчинного устава с ипотечной системой	Пока все по-старому
28. Широкое развитие и организация кредита земельного, мелиоративного и переселенческого	Кое-что в этой области делалось, но о «широком развитии» говорить смешно
29. Положение о землеустройстве	Сделалось законом
30. Реорганизация землеустроительных комиссий	Произведена
31. Ограничение административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек	Организации промышленников действительно не стесняются. Организации рабочих систематически разрушаются. Ненаказуемость экономических стачек администрацией толкуется в том смысле, что рабочие не предаются суду, а высыпаются в административном порядке
32. Страхование рабочих в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости и организация врачебной помощи	Реального при П. А. Столыпине не сделано было ничего
33. Ограничение рабочего времени малолетних и подростков и запрещение им и женщинам производства ночных и подземных работ	Пока все по-старому
34. Понижение продолжительности труда взрослых рабочих	Пока все по-старому
35. Закрытие порто-франко на Дальнем Востоке	Эта мера осуществлена
36. Постройка Амурской дороги	Производится, хотя и с запозданием и с перерасходами против первоначальных планов

Обещано в декларации	Существует в жизни
37. Школьная реформа на всех ступенях образования на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней	От этого демократического плана министерство отказалось еще после замены Кауфмана Шварцем
38. Общедоступность и обязательность начального обучения для всего населения	Оба правительственных проекта — и об ассигновании средств на всеобщее обучение, и об организации начальной школы — прошли через Государственную думу, но погибают в Государственном совете
39. Реформа средней школы	О ней ничего не слышно
40. Реформа высшей школы с укреплением начал Указа 28 августа 1905 г.	Проект Университетского устава взят из Государственной думы обратно. Автономия (Указ 28 августа) «разъяснена Правительствующим сенатом и министерскими циркулярами
41. Рассмотрение бюджета	Единственная область, в которой наладилась согласованная работа правительства и народных представителей, быть может вследствие ограниченности прав Государственной думы
42. Подоходный налог	Застрял в финансовой комиссии Государственной думы и едва ли оттуда выберется
43. Передача органам самоуправления некоторой части нынешних государственных доходов	И в этой области реального пока ничего не сделано

Таков баланс законодательного обновления России при П. А. Столыпине. Прибавим сюда то, что принял его преемник в области управления. Чрезвычайное обострение национальной борьбы. Против некоторых народностей, в особенности евреев, поляков, финляндцев и мусульман, велась непрерывная травля, развивавшая, конечно, у них соответственные чувства, что начинало становиться опасным для государства.

В провинции администрация совершенно утратила представление о законности. Достаточно напомнить такие классические имена, как Думбадзе, Толмачев, Хвостов, рязанский князь Оболенский, тамбовский Муратов, симферопольский Масальский и т. д. Но и менее громкие лица, например пермский губернатор, позволяли себе не исполнять не только указов Правительствующего сената, но даже и Высочайше утвержденных мнений Государственного совета, и, что еще страшнее, они делали это по приказам из

Министерства внутренних дел, как было в нашумевшей истории с наделением землей рабочих Строгановского завода. Военно-полевые и военно-окружные суды развили в стране неслыханную эпидемию смертных казней, жертвы которой считаются тысячами. Бесперывные смертные казни не могли не отразиться самым пагубным образом на народной психологии. Ценность человеческой жизни, никогда в России высоко не стоявшая, упала еще ниже.

Огрубение нравов поощрялось и казнями и безнаказанностью погромщиков. Вера в суд сильно ослабела. Если в столицах и в двух-трех крупных центрах печать еще пользовалась относительной свободой, хотя и тут платила должную дань штрафам и судебным и административным карам, то в провинции печать оказалась отданной всецело беспредельному произволу администрации и попала в положение, которое заставляло ее мечтать, как о благе, о цензуре времен Плеве.

Общественные организации, просветительные общества, профессиональные союзы гибли один за другим: из-за пустяков, одним росчерком пера уничтожались самые богатые многолюдные организации, уничтожались в одну минуту плоды десятилетних трудов. Торжественно возвещенная свобода союзов существовала только для Союза русского народа.

Аресты, обыски, высылки были повседневным явлением. «Охрана» с азефовщиной полновластно царила над страной, и П. А. Столыпин, когда ему указывали на происходящую оргию провокации, упорно отказывался верить очевидным фактам. Он добился суда и ссылки Лопухина за разоблачение Азефа, в котором упрямо хотел видеть, несмотря на ясные факты, не провокатора с кровавыми руками, а только «полезного сотрудника» Департамента полиции. Эта оргия провокации создала ту обстановку, жертвой которой пал и сам председатель Совета министров.

Как человек безукоризненной личной честности, П. А. Столыпин глубоко презирал и ненавидел хищничество и готов был с ним бороться. Он развил в огромных размерах систему сенаторских ревизий, как средство борьбы с хищниками. Ревизии сенаторов Гарина, Палена, Медема, Глицинского, Дедюлина, Нейдгардта обнаружили полный развал и в интендантстве, и в железнодорожной области, и в администрации, и в городском хозяйстве.

Немало людей попало на скамьи подсудимых. Но даже и тут нет оснований утверждать, что попали под суд главнейшие воры, что уличена значительная часть воров, что хищничество прекратилось... Нет, зло не исчезло, и сенаторские ревизии сделали ясным для всех, что причины хищничества не в пороках отдельных лиц, а в самой системе. Добиться же ее реформирования П. А. Столыпин либо не хотел, либо был бессилен. Преемнику его приходится бороться с тем же злом, что и ему. Сенаторские ревизии примелькались, стали явлением обычным, вошли во взятку соответствующим процентом увеличения риска...

Состав чиновничества, особенно на верхах в провинции, при П. А. Столыпине не только не улучшился, но даже значительно ухудшился. Лично очень честный, П. А. Столыпин, однако, проявил большую склонность к nepотизму*. На-

* *Непотизм* — раздача доходных должностей ближайшим родственникам.

И. А. Думбадзе (1851—1916) — военный и государственный деятель, монархист, черносотенец, один из покровителей Союза русского народа.

И. Н. Толмачев (1861—1931) — с 1907 г. градоначальник и временный генерал-губернатор Одессы, покровитель одесских черносотенцев, активный деятель Союза русского народа.

А. Н. Хвостов (1872—1918) — с 1904 г. последовательно губернатор минский, вологодский, нижегородский. Член совета черносотенной организации «Русское собрание».

Князь *А. Н. Оболенский* (1872—1924) — государственный деятель, генерал-майор, камергер, с 1910 г. рязанский губернатор.

Н. П. Муратов (1867—1918) — тамбовский губернатор в 1906—1912 гг.

«*Симферопольский Масальский*» — возможно, симферопольский вице-губернатор П. Н. Масальский-Кошуро.

чиная от министерских постов, он любил на все крупные должности назначать людей, ему близких по родству или свойству. Протекции при нем были тоже в очень большом ходу. С другой стороны, чины администрации никогда не чувствовали себя прочно. Над ними всегда был занесен дамоклов меч отставки или неудобного перемещения по какому-либо наговору или просто потому, что занимаемое ими место понадобилось кому-либо. Родственные влияния в государственной жизни дошли до такого, едва ли в какой-либо цивилизованной стране возможного факта, что в высшем законодательном учреждении, в Государственном совете, создалась политическая группа, которую открыто называли «партией шуровьев»...

И, в заключение всего, жестокий и позорный призрак народного голода снова появился в стране, и перед самой своей кончиной П. А. Столыпин мог убедиться в ложности всех успокоительных сообщений. При «обновленном строе» стране предстояло пережить те же ужасы крестьянской голодовки, что и в 1891 году**.

** Летом 1911 г. стояла страшная засуха, особенно тяжелая в Поволжье и на Дону. Урожай погиб. Затем последовала суровая зима 1911—1912 гг., а весной — сильный разлив рек. Урожай удалось собрать только треть против среднего. Неурожаем охватил все Поволжье, Камский район, Приуралье и Западную Сибирь. Помощи потребовали 60 губерний; число пострадавших от голода составило не менее 8 млн человек.

Глава VIII

Характеристика

Над гробом П. А. Столыпина началась жестокая борьба чуть ли не раньше, чем отзвучали последние слова заупокойной молитвы. Самая страстность похвал и нападок свидетельствовала, что со сцены сошел человек незаурядный. С одной стороны, националисты и октябристы делали тщетные попытки изобразить покойного гениальным государственным человеком, великим деятелем...

Простой, приведенный нами выше итог столыпинской работы доказывает, что о гениальности и о великом государственном человеке тут говорить не приходится. Но возьмем отзыв с другой стороны. Одно издание писало: «Столыпин не представлял собой лицо, про которое можно было бы сказать: это государственный деятель. С достаточно скромным развитием, не будучи выдающегося ума, не умея тонко разобраться в идеях и понять принципиальные требования, он смешивал все в одну кучу, коверкая предметы вместо их обработки...

Желая облегчить борьбу с революцией усиленными полномочиями администрации, он эти полномочия обратил в источник усиления революции, развив ужасный произвол. Желая прослыть законником, он топтал законы. Безграничным произволом и постоянным насилием Столыпин возбудил против себя всех и вся, начиная с мужиков и заканчивая сановниками. Высокое самомнение, которое всегда овладевает людьми, случайно выдвинувшимися к власти, ослепляло Столыпина. Таков был этот заурядный человек на первом государственном посту, при огромных полномочиях, не сумевший стать государственным человеком». Дальше П. А. Столыпин именуется «бездарным сановником»...

Из какого издания взята эта характеристика? Из дубровинского черносотенного листка «Русское знамя» (№ 201, от 8 сентября 1911 г.). Но, конечно, вся она, от слова до слова, могла быть повторена и была повторена, только без литературных наивностей, крайними левыми изданиями. Уже одно это совпадение взглядов заставляет думать, что в этой характеристике покойного председателя Совета министров, при справедливости отдельных указаний, много неверного, ошибочного, продиктованного пар-

тийным раздражением. «Бездарным» П. А. Столыпин во всяком случае не был. Он, несомненно, был даровитым человеком. Кому случалось слышать его в Думе, тот не станет отрицать, что П. А. Столыпин обладал настоящим, от Бога данным ораторским талантом, что его речи производили впечатление, что в них было много силы, искренности, темперамента. В них было и нечто от художественного дарования: была образность, красивые обороты, меткие словечки, которые вошли уже в оборот нашей политической речи, как крылатые слова («не запугаете», «волевые импульсы», «ставка на сильных» и т. д. и т. д.).

Общепризнано, что П. А. Столыпин обладал большой выдержкой, незаурядным мужеством и безусловным личным бескорыстием. Правда, личное мужество не дополнялось у него мужеством политическим. Человек энергичный и очень честолюбивый, он любил власть, цеплялся за нее, но там, где ему приходилось сталкиваться с настоящей и для него опасной силой, он не столько боролся, сколько отступал и подлаживался.

Ни один беспристрастный человек не может отрицать, что Столыпин в Первой и во Второй думах был совсем не тем, каким он явился в Третьей. Пока в обществе сильны были либеральные настроения, он очень считался с ними, мечтал о кабинете из общественных деятелей, но он превратился в заклятого врага либерализма, как только реакция одолела и ему стало ясно, что лишь она может обеспечить за ним портфель.

Эта изменчивость заставляла говорить о лицемерии. Не только меж словами и делами П. А. Столыпина существовала пропасть, но и слова, которые он говорил одному, не всегда сходились с теми, которые он в то же время высказывал другим. Он был, кроме того, и мстителен. «Отпуск» с невольным отъездом за границу Дурново и Трепова за оппозицию в Государственном совете заставили в Государственной думе заговорить о временах бирюзовщины и временщиков.

Даже Пуришкевич, служивший у П. А. Столыпина, но предвидевший его падение, заговорил о «мелкой мести уездного администратора». В. А. Маклаков громил «двуликого Януса, одним

Вынос тела П. А. Столыпина из больницы братьев Маковских.

Фотография. Киев. 18 сентября 1911 г.

лицом говорящего красивые речи и предлагающего широкие реформы, а другим делающего скверные дела, которым аплодируют справа». «Сочетанием красивых слов и самой неприглядной действительности, — говорил блестящий московский депутат, — власть скомпрометировала вконец ту идею политического центра, без которой не может действовать представительный строй». П. Н. Милюков без обиняков указал на «систему, основанную на грандиозном лицемерии и обмане».

Вопреки тому, что говорит «Русское знамя», у П. А. Столыпина был сильный ум, но это был какой-то ум второго сорта, действительно лишенный и углубления и идеалистического благородства, ум, смешанный с мелкой хитростью и лукавством. «Кроме единства примитивных импульсов, — характеризовал политику П. А. Столыпина П. Н. Милюков, — единства позы и фразы, тут есть еще и единство плана, единство обдуманных намерений, которые проводятся неуклонно с хитростью и лукавством». «Ведь и у “примитивов” есть все-таки известная хитрость, достаточная для самосохранения».

Вот для этого-то политического «самосохранения», для удержания за собой портфеля П. А. Столыпин пожертвовал слишком многим. Он мог неуклонно преследовать революционеров и кадетов, но у него не хватало силы дать над-

лежащий отпор тем, кто требовал от него нарушения Основных законов. Со ступеньки на ступеньку он дошел до того, что признавал их планы «прекрасными теоретическими рассуждениями».

П. А. Столыпин не был «творцом» идей. Самую крупную свою идею — преобразование русского общинника в личного собственника-хуторянина — он заимствовал, взяв отчасти из своих семейных преданий, отчасти от Витте и сельскохозяйственных комитетов, совокупив ее с требованиями и программой растерявшегося дворянства, начертанной В. И. Гурко. Но в проведение этой идеи он вложил всю присущую ему выдержку, энергию и настойчивость. При выдающемся председателе Совета министров П. А. Столыпин мог бы быть хорошим министром внутренних дел, как он считался в России хорошим губернатором.

Наиболее справедливую, на наш взгляд, характеристику покойного премьера дал, вскоре после его смерти, П. Б. Струве, имевший возможность близко наблюдать его во время II Думы, в самый решительный для П. А. Столыпина момент, когда его толкали на Акт 3 июня: «Органическими чертами своей натуры, — пишет П. Б. Струве, — ее корнями Столыпин всецело уходил в старую дворянско-помещичью Россию, с ее традициями, с ее строем чувств и мыслей. В нем были выражены все сильные и многие слабые стороны этого

исторического пласта русской общественности. Событиями Столыпин был вынесен на самую вершину бурного гребня, которым о себе возвестила новая Россия. Старая и новая Россия, однако, не соединились в нем гармонически.

Он не был из числа тех могущественных фигур, которые примиряют исторические стихии, становясь как бы над ними. Поэтому ему бесконечно далеко, например, до Кавура и Бисмарка. Именно примирения и успокоения Столыпин не осуществил. Отчасти он не мог этого сделать по условиям той политической обстановки, в которую выдвинула его судьба и жертвой которой он был. Но и в личных свойствах его было немало отрицательных черт, делавших для него непосильной задачу оздоровления государства средствами не только физическими, но и моральными.

Это сказалось в его, на мой взгляд, чисто патологическом равнодушии или, если угодно, пристрастии к смертной казни. Тут было не только теоретическое убеждение и боевой азарт, тут было что-то органически нездоровое, загадочно-болезненное и, в сущности, весьма далекое от настоящей реальной политики.

Умалаялась личность Столыпина и тем отсутствием прямоты и, скажем прямо,— логики, которым было отмечено его отношение к действительно сильным и опасным противникам его исторического дела. Неудивительно, что столь многие обвиняли его в неискренности, даже византийстве. Таков — увы! — двойственный облик Столыпина. Нельзя отрицать в нем большой, совершенно незаурядной силы духа и достойной удивления крепости и упругости

воли. Но эта сила духа соединялась с какой-то поразительной, тоже чисто духовной слабостью и с каким-то гипнотическим состоянием воли, прямо противоположным крепкой ее свободе» («Русская мысль», № 10).

Для того, кто сознательно переживал последние годы, жизнь и смерть П. А. Столыпина, наложившего на них свою печать, есть не прошлое, а самое могучее настоящее. Чуть ли не в каждой семье имеются близкие люди, которых так или иначе задело маховое колесо русской истории последних лет, кровавых, беспощадных и страшных.

Трудно ждать теперь с какой бы то ни было стороны беспристрастного слова над свежей могиле того, кто, в представлении многих, был рулевым, вращавшим колесо. Для наших потомков, способных на эти годы смотреть с исторической точки зрения, пролитая теперь кровь окажется не столь липкой, она не затуманит глаз и не помрачит сердца. Они найдут силы обратить внимание и на многое другое. Они отметят все ошибки и преступления, но найдут и любовь к родине, и бескорыстное желание служить ей до самопожертвования, до принесения в жертву своей собственной жизни.

П. А. Столыпин был первым нашим политическим деятелем, выступавшим в рамках «обновленного строя» при народном представительстве (Горемыкин в счет, конечно, не идет). Он не сделал того, чего от него ждала страна. Он совершил много ошибок, за которые стране придется еще расплачиваться. Но на его ошибках будут учиться новые деятели и, кроме ошибок, отыщут в наследстве П. А. Столыпина кое-что такое, что заслуживает сочувствия и признания.

ИЗБРАННЫЕ
РЕЧИ

Ответ П. А. Столыпина,
как министра внутренних дел,
на запрос Государственной думы о Щербак^{*},
данный 8 июня 1906 года^{**}

Что касается Щербака, то министр внутренних дел мало может прибавить к тому, что сообщено господином министром юстиции. В Сумском уезде Харьковской губернии введено военное положение, и, на основании 8-й статьи Военного положения, все меры по ограждению порядка и спокойствия принадлежат местному генерал-губернатору, который может и мог принять какие-либо меры по отношению к Щербак^{***}. Я, со своей стороны, как только получил сведения о положении дела в Сумском уезде^{***}, внес это дело в особое совещание, которое рассмотрело его и постановило: ввиду производящегося о нем судебного дела и принятия его содержания под стражей, переписку об охране прекратить. Дело его в порядке охраны прекращено.

Далее П. А. Столыпин перешел к протесту от 12 мая, высказанному председателем Государственной думы: «Министр внутренних дел имеет еще дать разъяснение по запросу, означенному у нас под № 1. Этот запрос касается фактов, оглашенных относительно Департамента полиции, у которого, по сообщению газет, была оборудована специальная типография, печатавшая возмутительные воззвания. Запрос состоял в следующем: “Известны ли господину министру приведенные факты, какие меры приняты им для наказания виновных и что министр намерен сделать для предотвращения таких преступлений в будущем?” Независимо от этого, “известно ли господину министру, что администрация переполнила тюрьмы заключенными, в числе коих есть заведомо невинные, и что, в нарушение законов, даже законов исключительных об усиленной и чрезвычайной охране, власти содержат заключенных свыше установленного срока без предъявления какого бы то ни было обвинения, доводя их таким путем до отчаяния, выражающегося в добровольной голодовке?”»

На заявленный мне запрос от 12 мая я не мог ранее ответить Государственной думе, так как считал необходимым отправить в некоторые города, где были беспорядки, особых уполномоченных мною лиц для проверки происшедшего. В настоящее время я получил все нужные сведения и могу дать подробные объяснения, но желал бы сначала совершенно ясно, определенно поставить те вопросы, которые, очевидно, интересуют Государственную думу. Расчленив запрос, вникнув в его смысл, я нахожу, что он имеет в виду три предмета: 1) обвинение против деятельности Департамента полиции; 2) заявление, что беспорядки, происходившие в Вологде, Калязине и Царицыне, обусловлены, вероятно, продолжением этой де-

* *А. П. Щербак, или Щербаков*, (1863—1930) — крестьянин, член Сумского уездного комитета Всероссийского крестьянского союза. Неоднократно бывал у Л. Н. Толстого. Еще с 1880-х гг. принимал участие в революционном движении.

** Речи печатаются по кн.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Том II. Заседания 19—38 (с 1 июня по 4 июля).— СПб.: Государственная типография, 1906 (в дальнейшем: Государственная дума, 1906).

*** Сумской уезд относился в то время к Харьковской губернии.

Михаил Степанович Комиссаров
(1870—1933)

Родом из казаков. С мая 1904 г. числился в Отдельном корпусе жандармов в чине ротмистра. В том же году возглавил образованное при Департаменте полиции Секретное отделение по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами. Выполнял ряд «деликатных» поручений (перлюстрация посольской переписки, печатание погромных прокламаций в тайной типографии департамента и проч.).

Позднее заведовал охраной Григория Распутина. В 1916 г. произведен в генерал-майоры. После Февральской революции был арестован. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. В заключении свел знакомство с большевиками. С 1920-х гг. стал секретным агентом заграничной резидентуры ГПУ.

тельности, и 3) желание знать, будет ли министр предотвращать такого рода беспорядки в будущем. Другими словами, заявляется, что в недавнем прошлом в министерстве творились беззакония, что они, вероятно, продолжают и при мне и что я приглашаюсь ответить, буду ли терпеть их в будущем. Как иллюстрация приводятся слухи о заключении невинных людей в тюрьму.

Приступая к ответу, я желал бы сделать маленькую оговорку. Согласно статье 58 Учреждения Государственной думы, сведения и разъяснения со стороны министров могут касаться только незаконных действий, возникших после учреждения Государственной думы, то есть после 27 апреля. Оговорку эту я делаю потому, что, если бы мне пришлось отвечать на запросы

I Государственная дума Российской империи стала первым в России представительным законодательным органом. Начала работу 27 апреля (10 мая) 1906 г. и просуществовала 72 дня, до 9 (22) июля 1906 г., после чего была распущена императором.

по поводу всего происходившего ранее, я, вероятно, был бы поставлен в физическую невозможность дать ответы. Но в данном случае я решил ответить на запрос во всех его частях и вот почему. Мне кажется, что в запросе Думы главный интерес лежит не в обвинении отдельных лиц — отдельные должностные лица могут быть всегда обвинены, — тут нарекания на деятельность всего Департамента полиции, на него непосредственно возводится обвинение в возбуждении одной части населения против другой, последствием чего было массовое убийство мирных граждан. Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться в этом деле. Меня интересует не столько ответственность отдельных лиц, сколько степень пригодности опороченного орудия моей власти. Не предослав этого объяснения, мне было бы трудно говорить о происшествии настоящего. Поэтому остановлюсь сначала вкратце на инкриминируемой деятельности Департамента полиции

Запрос министру внутренних дел (П. А. Столыпин занял этот пост 26 апреля 1906 г.) и министру юстиции И. Г. Щегловитову по делу крестьянина Антона Щербака (1863—1930) был принят Думой 23 мая 1906 г. Возник он по поводу телеграммы самого Щербака, в которой тот извещал о предании его суду Московской судебной палатой, и сводился к тому, по каким причинам не удовлетворяется его просьба об освобождении из-под стражи на поруки. Министр юстиции И. Г. Щегловитов, выступавший в Думе перед П. А. Столыпиным, по поводу «отставного прапорщика Антона Петрова Щербакова, он же Щербак», объяснил, что Щербаков привлечен к ответственности по трем уголовным делам, из которых два производятся в округе Харьковской судебной палаты и одно — в округе Московской судебной палаты, и по всем трем делам может быть освобожден из-под стражи до суда при внесении поручительства или залога.

в минувшую зиму и оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю.

Суть рапорта чиновника особых поручений Макарова заключается в следующем: Департамент полиции обвиняется в оборудовании преступной типографии и в распространении воззваний агитационного характера, затем в участии жандармского ротмистра Будаговского в распространении преступных воззваний и прокламаций того же характера, затем в бездеятельности властей департамента, не принявшего мер пресечения против преступных деяний.

При производстве по этому делу тщательного расследования оказалось следующее: в середине декабря 1905 года жандармский офицер Комиссаров напечатал на отобранной при обыске бостонке воззвание к солдатам с описанием известного избиения в городе Туккум полуэскадрона драгун, с призывом свято исполнять свой долг при столкновении с мятежниками. Это воззвание было послано в Вильну в количестве 200—300 экземпляров. Кроме того, был сделан набор другого воззвания к избирателям Государственной думы. В это время его начальству

*«Недомолвок не допускаю
и полуправды не признаю».*

П. А. Столыпин

стало известно об этих его деяниях, и оно указало ему на всю несовместимость его политической агитации с его служебным положением и потребовало прекращения его деятельности, внушив ему, что оставление на службе одновременно с политической деятельностью невозможно. Вследствие этого был немедленно уничтожен набор воззвания к избирателям и была послана телеграмма в Вильну об уничтожении тех экземпляров воззвания к солдатам, которые не были еще розданы.

Затем, что касается деятельности ротмистра Будаговского, то надо выяснить, что на почве участия в борьбе во время декабрьских событий у Будаговского в Александровске установились личные отношения к организациям, которые

«Еще 2 марта 1907 г. исполняющий должность екатеринославского губернатора К. М. Шидловский в конфиденциальном письме на имя министра внутренних дел докладывал по поводу слухов о готовящемся в городе Александровске еврейском погроме: “Как сие ни печально удостоверить, а виновниками такого положения дела должны быть признаны, в сильной степени, представители местной административной власти. В Александровске Союз русского народа образовался не только под покровительством, но почти по инициативе местных правительственных служащих, причем в его главе активными деятелями стали жандармский ротмистр Будаговский, судебный следователь Майдачевский, исправник Винульский и некоторые другие полицейские лица”. Отдавая в дальнейшем дань “патриотическим идеалам” указанных лиц, и. д. губернатора не может удержаться от “упрека, который им всем, и в особенности ротмистру Будаговскому, должно сделать,— это проведение антисемитических воззрений в их служебной деятельности”. И дальше: “...местная власть в целях поддержания влияния Союза вступила в слишком тесные дружеские общения с отдельными его членами, не относясь всегда с достаточной разборчи-

востью к их личным качествам”. Исполняющий должность губернатора вынужден признать также, что эти “качества” далеки от идеала, что главари Союза — “люди нетрезвые и невоздержанные, а между тем эти лица находятся под особым покровительством местных властей, и их выходы антиеврейского характера проходят им безнаказанно; что факт разброса в предвыборное время массы прокламаций с угрозами погрома евреям, в случае их участия в избрании выборщиков, был не донесен полицией высшей администрации”. “Кроме того,— продолжает докладывать Шидловский,— в частных разговорах с командированным мною чиновником исправник Винульский и ротмистр Будаговский, не без некоторого внутреннего одобрения, высказывали, что погром «жидов» весьма вероятен, но что их на этот раз не будут грабить, а будут лишь резать, а на вопрос чиновника о принятии мер к недопущению погромов оба лица слишком преждевременно высказывались за будущую неуспешность таковых. Характерно отметить, что ту же фразу о «резании жидов» сказал тому же чиновнику один из крайних неофициальных представителей Союза”». [Е. Лаганский. Погромы и погромщики. «Красная нива», № 25, 1927 г.]

именовались «Александровский союз 17 октября» и «Александровская боевая дружина», причем ротмистр Будаговский употреблял свое влияние на распространение этих воззваний среди населения уезда. Однако после 14 декабря новых воззваний против революционеров и евреев уже не распространялось. Хотя приписываемое ротмистру Будаговскому подстрекательство к погромам юридически за невозможностью последования погромов ненаказуемо, но, по получении сведений о его деятельности, он был вызываем в Петербург, ему было внушено о несовместимости его деяний со службой в корпусе жандармов и категорически было приказано прекратить агитацию.

Что касается нареканий на Департамент полиции за то, что им не принимались меры и что власть бездействовала, то я должен сказать, что хотя по рапорту Будаговского распоряжения своевременно не было сделано, но такое замедление должно объясняться тем, что этот рапорт поступил в разгар московского восстания, между 3 и 10 декабря, когда заведующий Департаментом полиции Рачковский находился в Москве; когда же он вернулся в Петербург, то был освобожден от заведования политической частью департамента. Позднее же, как было изложено ранее, Будаговский был вызван в Петербург, и, повторяю, ему было сделано соответствующее внушение. Надо принять во внимание также и то, что не только ожидавшийся 13 февраля погром в Александровске не имел места, но там вообще не произошло никаких беспорядков. Для полноты картины я должен сказать, что, когда в департамент достигали слухи о возможных беспорядках, немедленно посылались нужные телеграммы об их прекращении.

Петр Иванович Рачковский (1853—1910) — русский полицейский администратор, действительный статский советник, глава заграничной агентуры Департамента полиции в Париже, вице-директор Департамента полиции в 1905—1906 гг.

Некоторые уяснения неправильных действий жандармских офицеров следует почерпнуть из воспоминаний о тех ужасных событиях, которые переживала Россия минувшей осенью и зимой,

событиях, которые поселили во многих совершенно превратное понятие о долге перед родиной. Участие должностных лиц на собраниях крайних партий сменялось страстной агитацией против начал, проповедуемых этими партиями, причем оба эти явления несовместимы с сознательным положением должностных лиц и должны быть призваны в равной степени нетерпимыми. В частности, относительно ротмистра Будаговского надо принять во внимание обстановку, в которой ему приходилось действовать. Не имея в распоряжении своем достаточно войска и видя захват железнодорожной станции и земского начальника мятежной толпой, он решил, опираясь на сочувствующие ему общественные группы, подавить беспорядки, за что и получил Высочайшую награду, а никак не за агитацию. Теперь эти действия ротмистра Будаговского, а также последствия действий администрации послужили предметом нового запроса правительству. Я могу ответить на этот запрос только после того, как судебное следствие будет опорочено. Мне кажется, что вообще из всего вышеизложенного видно, что Департамент полиции не оборудовал преступной типографии и что последствиями его действий не могла быть масса убитых людей. Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволили себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине, проверенных как чинами Министерства внутренних дел, так и чинами прокурорского надзора. В первом из этих городов, в Вологде, толпа сожгла народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось двое убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группою манифестантов, когда в город съехалась масса народу для закупок припасов ввиду двух праздников — Николина и Троицына дней. Затем, при столкновении с толпой, первый выстрел был произведен со стороны манифестантов. Гу-

бернатор, прокурор и полицмейстер прикрывали собою избиваемых; последний затапывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома.

Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок; объектом же злобы народа явился народный дом, который был обычным местом собрания политических ссыльных, причем в октябре там на митингах раздавались речи о вооруженном восстании, а сцена была украшена надписью: «Да здравствует республика!» — что тогда же вызывало протест и беспорядки со стороны простонародья. Такие же беспорядки повторились по этому же поводу в декабре. Что началом беспорядков послужили действия манифестантов, было видно из крайне враждебных отзывов прессы и из показаний всех опрошенных лиц. Погром не был своевременно прекращен вследствие малочисленности полицейских сил. Всего налицо было 59 человек; войска же приехали слишком поздно, так как они были вызваны из соседнего города по железной дороге. Нарекания со стороны некоторых лиц, вызванные действиями ротмистра Пышкина*, который командовал стражниками и который будто бы действовал недостаточно решительно против толпы, объясняются тем, что стражники были только что сформированы и сам он получил от губернатора приказание не стрелять. При таком положении едва ли он мог действовать более активно. Однако, если бы судебное следствие, которое ведется по этому делу, показало обратное, то министерство не преминет соответственно распорядиться.

К сожалению, обстоятельства происшествия, бывшего в Царицыне 1 мая, дают основательный повод к нареканию на действия полиции, причем дело следствия — выяснить меру ответственности каждого должностного лица. Как теперь ясно, дело происходило приблизительно таким образом. День 1 мая прошел в Царицыне спокойно, были маленькие беспорядки, которые были своевременно прекращены. Но к вечеру, около 7 часов, полицмейстер получил известие,

* Это жандармский ротмистр. В конце 1906-го или в начале 1907 г. был переведен по службе в Екатеринбург. Через год после публикуемой здесь речи П. А. Столыпина, 23 июня 1907 г., среди бела дня застрелен на улице Екатеринбурга. При преследовании стрелявшего был также ранен городовой.

Городовой.

Фотография К. Буллы. 1900-е гг.

что двигается толпа манифестантов. Он послал отряд казаков, которые разогнали эту толпу, причем трое оказались сильно пострадавшими. Толпа эта оказалась толпою ополченцев. Немедленно на место собралась толпа горожан; приехал полицмейстер, потребовал разойтись. На это последовало со стороны толпы насилие в виде брошенных камней. Затем раздался залп, и в конце концов оказалось 8 раненых, из которых трое тяжело, и они умерли. Происшествие это не останется, конечно, без самых тяжелых последствий для виновных.

Я не могу признать виновной полицейскую власть в г. Калязине. Дело произошло в г. Каля-

зине таким образом. Судебный следователь привлек в качестве обвиняемого некоего Демьянова и заключил его под стражу. Толпа в несколько сот человек, явившись к следователю, потребовала освобождения его. Следователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить беспорядки, обещал запросить по телеграфу прокурора о том, возможно ли освобождение этого лица; до получения на это ответа толпа начала действовать крайне вызывающе, спрашивала судебного следователя, правда или нет, что Демьянов повешен. Следователь просил прислать отца Демьянова и еще двух депутатов, чтобы убедиться, что Демьянов цел, и сам пошел по направлению к тюрьме, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили в количестве от двухсот до трехсот человек. Раздались угрозы по адресу следователя, и он едва успел только бегом скрыться в полицейском управлении; туда укрылся и исправник, который тщетно убеждал разойтись другую толпу, которая осталась перед крыльцом судебного следователя.

В это время в окно полицейского управления были брошены камни; исправник распорядился таким образом: у него было 9 стражников, 5 из них он поставил у окон полицейского управления, а с четырьмя вышел на крыльцо довольно высокое, так что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не действовать насильно и не освобождать насильно человека, который заключен под стражу по обвинению судебной власти, послышались насмешки, а затем посыпались камни. Тогда полицмейстер приказал дать залп. Так как стражники стояли выше толпы, то никто в толпе не был поврежден этими выстрелами. В ответ посыпался град камней. Когда был дан вторичный залп, то ранен был один человек, но два стражника, из которых один получил от камней повреждения ноги, дали тоже выстрелы, в результате которых оказалось два убитых. После этого спокойствие было восстановлено. Действия исправника в данном случае я не могу признать неправильными.

Закончив описание событий, бывших после вступления моего в должность, я все-таки должен сделать оговорку. Запросы Думы, конечно, касаются только таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе. Отвечая на них, я не скрывал неправильных действий должностных лиц, но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что

Сергей Дмитриевич Урусов (1862—1937) — крупный общественный и политический деятель предреволюционной России, виднейший либерал. С 6 ноября 1905 г. — заместитель министра внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте. Вышел в отставку после того, как его проект о местном самоуправлении был отвергнут министерством внутренних дел П. Н. Дурново. В 1906 г. был избран депутатом Государственной думы от Калужской губернии и активно участвовал в работе вплоть до ее роспуска.

Прославился после выступления в Думе 8 июня 1906 г. с резкой критикой внутренней политики. Лондонская газета «Стандарт» в тот день написала: «Речь князя Урусова фактически явилась историческим моментом, с начала до конца была саркастическим обвинением того, что известно под именем “треповского режима”. Он закончил свою речь фразой, мгновенно ставшей знаменитой: “На судьбы страны оказывают влияние люди по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики”».

После Октябрьского переворота несколько раз арестовывался, но освобождался. При советской власти занимал ряд должностей, в последние годы жизни работал в библиотеке Союза писателей.

большинство моих подчиненных не следуют велениям долга. Это в большинстве люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20 апреля их было убито 288, а ранено 383; кроме того, было 156 неудачных покушений. Я бы мог на этом закончить, но меня еще спрашивают, что я думаю делать в будущем и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо невиновными. Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел. Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов;

такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок. (*Шум.*) Порядок нарушается всеми средствами; нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации... (*Шум.*)

В этом месте выступление П. А. Столыпина было прервано левыми членами Думы. Стенограмма Государственной думы отмечает следующее [Государственная дума, 1906.— С. 1129]:

Голоса. Довольно.

Председатель. Прошу сохранять порядок. Каждому, имеющему на то право, должно быть предоставлено слово в этом зале.

Голоса справа. Просим. (*Шум.*)

Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы; отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: «У тебя старое кремневое ружье. Употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних. Брось ружье». На это честный часовой ответит: «Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым». (*Шум, смех.*) В заключение повторяю, обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ... (*Шум.*)

После этих слов П. А. Столыпина слово взял князь С. Д. Урусов, кадет, депутат от Калужской губернии, который упрекал Столыпина в неточности приводимых им сведений.

Господа, я должен дать свое разъяснение теперь, так как, к сожалению, не могу остаться до конца — я должен ехать в Совет министров. Тут в речах предыдущих ораторов предо мною ясно предстали мысли говоривших, предо мною встал реальный ротмистр Пышкин и Пышкин как эм-

«Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы; отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона».

П. А. Столыпин

Владимир Дмитриевич Набоков
(1869—1922)

Русский политик, криминалист, публицист, один из организаторов и лидеров партии кадетов, заместитель председателя ее ЦК. Отец писателя В. В. Набокова. Депутат I Государственной думы. После Февральской революции — управляющий делами Временного правительства, затем назначен послом в Англию. Был избран членом Учредительного собрания от Петроградской губернии, но в заседаниях не участвовал. После Декрета об аресте лидеров «буржуазных партий» уехал в Крым. В 1920 г. эмигрировал. Вместе с И. В. Гессеном издавал в Берлине газету «Руль». Трагически погиб во время покушения на П. Н. Миллюкова. Набоков попытался выбить револьвер из рук стрелявшего — и получил пулю в сердце.

блема. Позвольте мне расчленил его в своей речи тоже таким образом. Отвечая на тот реальный упрек в неправде...

Выкрик кадеты В. Д. Набокова: «В неточности!» [Речь В. Д. Набокова, которую подразумевает П. А. Столыпин, см. в кн.: Государственная дума, 1906.]

...виноват, в неточности, который мне бросили, я должен сказать, что мне известны другие сведения о погроме, которые были мне доставлены лицами, специально мною посланными. Я должен указать на то, что ротмистр Пышкин немного неточен в речи Набокова. Дело в том, что стреляли, как точно установлено, в народный дом

стражники пешие, а не те, которые были в распоряжении ротмистра Пышкина. Дело о погроме передано следствию, и если судебным следствием будет выяснена вина ротмистра Пышкина, то он, конечно, будет в ответственности. Что же касается вологодского губернатора, тоже как реальной величины, то я должен сказать, что он подал в отставку ранее вологодского погрома. Затем, когда я его спрашивал по телеграфу о нареканиях, которые распространяются на администрацию и полицию, он ответил, что это сплошная ложь, — извините за это выражение, но эти слова были в телеграмме.

Затем я выслушал реальные вопросы и нарекания от г-на Винавера. Он спрашивает о моем мнении относительно моих предшественников. Мне кажется, что распространять настолько право запроса не следует. Я не обязан отвечать на такого рода запросы. Относительно реального факта о действительном статском советнике Рачковском, который сидел на месте вице-директора, я заявляю, что этого места он не занимает и ни на какой определенной должности в Департаменте полиции не находится.

Перейду к Пышкину как к эмблеме. Я выслушал здесь от князя Урусова, что мои сведения неточны, что я не осведомлен. Я должен сказать, что я приложил все усилия, чтобы выяснить ту картину, которая была брошена в нас как обви-

Максим Моисеевич Винавер (1863—1926) — российский юрист и политик, видный деятель еврейского движения в России. Один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), член ЦК. Депутат I Государственной думы от Петербурга.

После Февральской революции входил в состав Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Временное правительство назначило его сенатором. Был избран членом Учредительного собрания. Весной 1919 г. переехал в Крым, стал министром внешних сношений Крымского краевого правительства. В том же году эмигрировал во Францию, жил в Париже, сотрудничал в журнале «Еврейская трибуна» и газете «Последние новости». Был инициатором создания Русского университета при Сорбонне, в котором читал курс русского гражданского права.

1—3 июня 1906 г. в городе Белостоке Гродненской губернии (ныне — территория Польши) произошел погром, в ходе которого, по официальным данным, было убито 82 и ранено 78 человек; разгрому подверглось 169 квартир и лавок, принадлежащих еврейскому населению. Еще утром 2 июня депутаты Государственной думы В. Р. Якубсон и М. И. Шефтель обратились к министру внутренних дел П. А. Столыпину с просьбой принять меры для прекращения погрома. В ответ министр пообещал,

что немедленно прикажет местным властям принять «действительные» меры. Однако, по сведениям депутатов, убийства мирного населения продолжались вплоть до утра 3 июня. Для расследования обстоятельств погрома была создана специальная думская комиссия. Обсуждение доклада комиссии в Думе было использовано оппозиционными фракциями для резкой критики всего курса правительства, а ответственность за погром в Белостоке депутаты возложили лично на министра внутренних дел.

нение; я имел показания лиц, выяснявших это для бывшего председателя Совета министров, и документальные данные — на основании их только я могу ответить. Я могу показать их лицу, которое пожелает их видеть. Не знаю, настолько ли документальны данные князя Урусова и откуда он черпал свои сведения. Затем, он говорит, что, если даже министр внутренних дел одушевлен самыми лучшими намерениями, он лишен возможности сделать добро, ему мешают какие-то призраки ротмистра Пышкина в виде эмблемы.

Я должен сказать, что по приказанию государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю. Затем меня упрекал г-н Винавер в том, что я слишком узко смотрю на дело, но я вошел на эту кафедру с чистой совестью. Что я знал, то и сказал и представил дело таким образом, что то, что нехорошо, того

больше не будет... (*Шум, крики: «А Белостокский погром?!»*)

Одни говорят: «Ты этого не можешь», а другие: «Ты этого не хочешь», но то, что я могу и хочу сделать, на то я уже ответил в своей речи. Упрек, который мне сделал г-н Винавер, что я узко смотрю на вопрос, я не совсем понимаю. Для меня дело стоит так: если я признаю нежелательным известное явление, если я признаю, что власть должна идти об руку с правом, должна подчиняться закону, то явления неправомерные не могут иметь места.

Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, — я должен ответить на это, что это дело не мое. Согласно понятию здравого правосознания мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России. (*Шум, свистки.*) Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы. (*Шум, крики: «отставка!»*)

Ответ на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим, данный 12 июня 1906 года

Отвечая на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим и затрагивая в первый раз этот вопрос громадной государственной важности, я должен отметить, что мы в настоящем году стоим перед необходимостью затратить громадные средства из общегосударственного бюджета на помощь жертвам неурожая и голода. В министерство поступают в настоящее время последние телеграфные сведения с мест о тех цифрах, которые необходимы для наших соображений.

В настоящее время нельзя терять время для закупки семян. Надо успеть запастись ими, перевезти на место, раздать населению, сделать это так, чтобы не повышать чрезмерно цен и чтобы семена соответствовали местным потребностям. По этому делу министерство внесет в Государственную думу проект, затрагивающий разрешение крупного, многомиллионного расхода на этот предмет. В настоящее время я буду чрезвычайно краток, но уж из сказанного видно, что меры помощи по неурожаю должны быть обдуманы и они обдумываются своевременно: план действий принимается в то время, когда наступает первая тревога за посевы. Вследствие сего первый пункт запроса, мне предъявленного, касается не тех мер,

Помощь голодающим. Фотография. Конец XIX в.